

Большаков Л.Н.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ЭВРИСТИКИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.

Предисловие

Развитие широких кониетционных литературоведческих исследований немислимо без непрерывного обогащения и глубокой разработки документальной базы науки. Убежденностью в этом обусловлен наш многолетний интерес к различным аспектам источниковедения и эвристики историко-литературного процесса.

Настоящий доклад представляет собой характеристику наиболее существенных направлений научной работы автора по указанной проблематике. Краткое изложение вопросов, не затрагиваемых в основной его части, содержится в заключительном разделе.

Обдумывая принципы построения обзора, мы отдали предпочтение изложению материала в соответствии с хронологией исследованных явлений, а не выхода тех или иных рассматриваемых научных работ в свет (это, последнее, на наш взгляд, в данном случае имеет второстепенное значение).

П. И. ПЕСТЕЛЬ КАК ДЕКАБРИСТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ И ПРИНЦИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АВТОРСТВА

История декабристской литературы неотделима от общего процесса возникновения и развития освободительного движения. Являясь выразителями идеологии дворянских революционеров, ее представители приняли деятельное участие в создании самобытной русской поэзии и прозы, демократизации их, углублении социальной тематики, постановке и решении с передовых позиций жгучих вопросов современности.

Характерные для писателей-декабристов качества - связь литературы с политикой, использование силы слова для пропаганды прогрессивных идей и пробуждения современников к борьбе против угнетения - особенно раскрылись в публицистике. Именно здесь нашли наиболее отчетливое выражение как

политические, так и эстетические их воззрения. Публицистика - наименее исследованная часть литературного наследия декабристов. Несмотря на огромную работу по собиранию и изучению произведений декабристской литературы, проведенную в советский период, имеются достаточные основания говорить о больших, принципиально важных проблемах, восполнение которых требует целеустремленных поисков - прежде всего, среди анонимных рукописных книг и списков, рассеянных по различным хранилищам и фондам. Объективно-исторические, историко-стилистические приемы и принципы определения авторства должны быть при этом использованы в полной мере.

Интерес к данной проблеме возник у нас в 1965 году, когда в фонде отдела редкой книги Оренбургской областной библиотеки нам посчастливилось обнаружить рукописную книгу под названием "Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821-го года и соприкосновенных оным обстоятельств". Первоначальное ознакомление с выявленным экземпляром показало, что бумага, которой пользовался переписчик, была произведена в 1824 г. Книга объемом 206 страниц (заполненных и чистых) делилась на две части, причем первую составляло само "Обозрение...", а вторая содержала документы, на которые безымянный обозреватель ссылался. До поступления в названную библиотеку она, судя по штампам и пометам, находилась в собрании Иеплюевского кадетского корпуса, созданного в Оренбурге в 1825 г. Внимание автора, при первом же знакомстве, книга привлекла простотой и ясностью изложения фактов, нецветистой картинностью описаний, первородным звучанием русского слова и, особенно, отчетливо выраженной демократичностью содержания, его полным созвучием взглядам на те же события, высказанным Пушкиным и декабристами.

В процессе исследования мы установили, что "Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии..." оформилось в рукописную книгу, по меньшей мере, за десять лет до выхода в свет книги И. Филимоноса "Опыт истории Филики Этерии" (Нафплион, 1834), признанной ныне первым в мире специальным трудом по истории этеристского движения и Греческой революции в целом. Следовательно, приоритет в изучении и освещении проблемы принадлежит автору русского произведения, которым, по справедливости, и должен открываться список книг о национально-освободительном движении греков в первые десятилетия XIX века.

Степень владения материалом и методологией исследования, профессиональность изложения, обобщения и анализа сложных, во многом противоречивых, событий, логика размышлений над ними свидетельствует о достаточной подготовленности анонимного автора и как историка-мыслителя, стоящего на

уровне прогрессивных взглядов своего времени, и как военного деятеля, умеющего дать исчерпывающий разбор стратегии и тактики боевых действий (причем тут также с позиций человека, заинтересованного в успехе революционных сил).

Автора "Обозрения..." глубоко занимают принципы построения, характер деятельности, успехи и просчеты тайных обществ поработанных греков - от организации Ригаса Велестинлиса до "Филики Этерии"; взгляд на них, выраженный в рукописной книге 20-х годов XIX века, весьма близок современным выводам советской исторической науки - прежде всего, относительно роли России в стимулировании активности патриотических сил. Ни столь подробных описаний структуры указанных подпольных организаций, ни такого заинтересованного внимания к различным аспектам их работы в других источниках, даже более поздних, отыскать не удалось.

Для установления автора рукописной книги потребовались выявление и изучение как источников, современных событиям или близким к ним по времени, появившихся в разные годы в печати (в т. ч. из литературного наследия Пушкина, писем декабристов, их показаний на следствии и др.), так и материалов, которые сохранились в архивах (особенно ЦГИА СССР, ЦГВИА и рукописном отдс/е ГПБ). Проведение сравнительного анализа текста "Обозрения..." и собранных материалов позволило ограничить круг возможных авторов лицами из декабристской среды. Последующее изучение находки привело к выводу о принадлежности рукописной книги перу П. И. Пестеля.

Литературные достоинства труда, его вдохновенный пафос позволяют отнести "Обозрение..." к лучшим образцам публицистики своего времени. В связи с этим стало возможным впервые назвать идеолога и руководителя декабристов представителем декабристской литературы.

Записка

Наша публикация, озаглавленная пушкинской строкой "Отыскал я книгу славную..."¹, содержит развернутый анализ доказательств авторства Пестеля, а также первый разбор особенностей его творческого почерка.

Утверждению в этом способствовало, прежде всего, сопоставление текста "Обозрения..." с сохранившимися (опубликованными и неопубликованными) материалами Пестеля; главным образом его служебными записками и конфиденциальными письмами на имя начальника Главного штаба 2-й армии

генерал-майора П. Д. Киселева. Записки и письма, отсылавшиеся непосредственно с театра военных действий, характеризовали происходившее по горячим следам событий.

Показательно сравнение записки от 8 марта 1821 г.2 и начальных страниц "Обозрения...", охватывающих один и тот же период "происшествий в Молдавии и Валахии":

Записка

13-го января сего года умер владетельный князь валахский Александр Суццо. Жена его и все семейство старались скрыть сие от народа, в ожидании, что Порта согласится на просьбу покойника и назначит сына его преемником. Но смерть князя не могла оставаться долгое время тайною; и 19 числа весь город Бухарест узнал об оной. Стр. 344.

Записка

...Владимиреско издал прокламацию, в которой он объясняет, что поступок его не имеет целью возмущение противу Порты, но одно только сопротивление злодеяниям валахских бояр и различных чиновников, употребляющих в зло свою власть и доверенность правительства и соделывающих, таким образом, из Валахии несчастную жертву их ненасытного корыстолюбия и бесчеловечной несправедливости.

Стр. 344

"Обозрение..."

13 генваря умер господарь Александр Суццо. Жена его и семейство старались скрыть сие от народа в ожидании, что Порта согласится на просьбу покойника и назначит сына его преемником. Но кончина князя не могла долгое время оставаться тайною и 19 числа весь город Бухарест узнал об оной.

л. 9. "Обозрение..."

"Обозрение..."

...Здесь Владимиреско общенародно объявил, что его действия не имеют целью возмущение противу Порты, но одно только сопротивление злодействам валахских бояр и различных чиновников, злоупотребляющих во зло доверенность правительства и соделывающих из Валахии несчастную жертву их ненасытного корыстолюбия и несправедливости.

Л.9.

Записка

...Получив такой ответ, Пини отправил донесение в лайбах, именуя владимиреску карбонарием. Видя столь худой успех, Диван валахский намеревался просить турецких пашей. Начальствующих дунайскими крепостями, о присылке войск для прекращения беспорядков, но Пини воспротивился принятию сей меры, основываясь на Трактате, заключённом между Россиею и Портою, который воспрещает турецким войскам вход в Молдавию и Валахию без предварительного сношения с Российским правительством...
стр. 345.

Записка

На следующий день. т. е. 21 февраля, собрались все греки и арнауты, находившиеся в Галацах и под предводительством грека Каравия, начальника греческой полиции, за несколько месяцев перед тем Суицо учрежденной, напали на турок, которые все сбежались в дом начальника турецкой полиции. Греков было около 600 человек, а турок только 80. Витва продолжалась 4 часа и наконец все ТУПКИ были истреблены. Греков же убито 12 человек, ранено 6. Дом, СЛУЖИВШИЙ туркам защитой, был во время перестрелки зажжен только сопротивлением злодеяниям валахских бояр и различных

"Обозрение..."

...Тогда Пини отправил донесение в Лайбах о возникшем мятеже, а Диван вознамерился просить турецких пашей о присылке войск из задунайских крепостей для прекращения беспорядков. Видинский паша объявил на сие готовность; но Пини воспротивился принятию сей меры, основываясь на Трактате, заключенном между Россиею и Портою, коим воспрещено турецким войскам вступать в Молдавию и Валахию без предварительного сношения с Российским Правительством...

л. 10.

чиновников, употребляющих во зло доверенность правительства и соделывающих из Валахии несчастную жертву их ненасытного корыстолюбия и несправедливости, л. 9.

Записка

22 февраля, в 7-мь часов вечера, князь Александр Инси-лантий, в сопровождении князя Георгия Кантакузина, да обоих своих братьев, Георгия и Николая, въехал в Яссы. Он был встречен на границе отрядом 300 арнаут, и оным до города сопровожден. Князь Суццо, сейчас по приезде Ип-силантия, поехал к нему и около часа у него пробыл... В ночь на 23 число все турки, в Яссах находившиеся, были убиты, кроме трех человек, объявивших желание воспринять христианскую православную веру.

...24 февраля созвал князь Суццо всех знатнейших бояр и дал им совет отправить прошение к Государю императору, изъясняя в оном свое положение и прибегая к МОЩНОМУ покровительству Его Величества. Все бояре приняли сие предложение с радостью и в тот же час исполнили оное.

Стр. 346-347.

"Обозрение..."

22-го февраля в 7-мь часов вечера князь Александр Ипси-лантий въехал в Яссы в сопровождении братьев своих Георгия и Николая. (Примечание: "Полтора дня после Ип-силантия прибыл в Яссы князь Георгий Кантакузин, отставной полковник Российской службы, также член Этерии"). Отряд из 200-т арнаутов встретил его на границе и сопровождал до города. Господарь князь СУЦЦО вошел немедленно в сношение с Ипсилантием. В ночи на 23-е число все турки, проживавшие в Яссах, были убиты.

24-го господарь созвал Совет бояр и предложил просить Государя Императора о покровительстве Молдавии в прг<-стоящем смутном ее положении. Все бояре приняли сие и немедленно исполнили. л. 13.

Записка

27-го февраля в церкви Трех Святителей служил Митрополит литургию и молебствие по повелению князя СУЦ-цы и освятил потом знамена греческого войска. Сии знамена имеют темно-синий цвет, с изображением на одной СТЮРО-не золотого креста, а на другой пепла с выходящим пляме-нем, из коего вылетает Феникс, с надписью: из пепла восстаю...

Записка

...Ипсилантий издал несколько прокламаций к греческому народу и к греческому войску. Сии прокламации состоят, как и все таковые, из пышных слов, блистательных выражений и гордых воспоминаний о давно прошедших веках... Все сии прокламации имел я случай собрать...

стр. 347

"Обозрение..."

27-го же числа в церкви Трех Святителей Митрополит отпел молебствие и освятил знамена греческого войска, имевшие надпись над вылетающим из огня фениксом: из пепла восстаю...

"Обозрение..."

В продолжение 6-ти дней пребывания князя Ипсилантия в Яссах, издал он несколько пышных прокламаций, клонившихся к поднятию всех христианских племен против ига мусульманов и в особенности к возбуждению рвения греков примерами великих людей их древнего свободного Отечества.

л. 14.

В наших публикациях таких параллелей проводится гораздо больше. Записки (первая и последующие) - это как бы не обработанные стенограммы событий, фиксировавшие происходящее по свежим следам. "Обозрение..." - взгляд на те же события уже с определенного, пусть и небольшого, расстояния во времени. Работая над историческим повествованием, автор пользовался своими записками не более как эскизами, набросками, и не механически следовал за ранее написанным, а продолжал думать над ним, углубляя мысль, совершенствуя слог.

Единством трактовки, близостью слога отмечены и те места обоих текстов, которые существенно отличаются одно от другого. Это, прежде всего, касается страниц о тайном обществе "Филики Этерия".

Сведения о нем в первой записке отнесены на конец, причем отведено им скромное место. Автор отчетливо представляет себе роль этой организации ("Возмущение, ныне в Греции случившееся, есть произведение сего тайного общества,.."). Ему известны и история движения этеристов, и структура их патриотического союза, ставшего во глазу "возмущения", которое, как он уверен, может ;"иметь самые важные последствия", ибо основано "на общем предначертании, давно сделанном, зрело обдуманном и всю Грецию объемлющем". Тем не менее обозреватель пишет об этом обществе как бы вскользь, ни разу не называя его полным именем. Пестель оговаривает, что "за достоверность сведений по сему предмету" (сведений, им собранных) поручиться не может, "хотя и имеют они вид самый основательный".

В "Обзрении..." оговорка сохранена (автор оправдывает ее тем, что "все относящееся до состава тайного союза взято из частных сведений"). Но то, что в записке отнесено в конец, в рукописной книге составляет первую, и весьма значительную по размерам, главу. Она служит прологом, подготавливающим к пониманию всех последующих событий, как результата деятельности разветвленной подпольной организации. Обозначенное в записке не более чем пунктирно, здесь, в книге, разворачивается в обширный очерк борьбы греков за свободу и независимость.

И суть, и стиль в обоих случаях едины. Сравнение сопоставляемых текстов, несмотря на отмеченную разницу, не только не исключает принадлежности их одному автору, но, напротив, даже подчеркивает ее. Что касается существенных отличий, то они объясняются тем, что между составлением записки и написанием книги пролегло время, отмеченное нарастающей подготовкой к восстанию декабристов. В такой обстановке "Обзрение..." объективно приобретало значение труда революционного, а, значит, требовалось особое внимание ко всему, что могло быть полезным для организации общественного движения в России.

Рассматривая на примере данного конкретного историко-литературного явления общие принципы и закономерности установления авторства анонимного произведения декабристской литературы, мы не можем не сосредоточить внимание также на ряде других позиций, среди которых заслуживают быть выделенными: а) характер использованных источников и б) язык исследуемого труда.

Тождество основных источников при несомненной близости остальных - еще один важный довод в пользу авторства Пестеля.

В своей автобиографической анкете он писал, что в 1821 г. "употреблен был в главной квартире 2-й армии по делам о возмущении греков и по сим же делам был троекратно послан в Бессарабию".

Первая поездка протекала с 26 февраля по 8 марта. За 10 дней Пестель проехал сотни верст, встретился со множеством людей, из первых рук получил и тут же перепроверил огромное количество сведений. Больше, чем официальная записка, представление об этом дает личное его письмо к тому же генералу Киселеву, посланное 3 марта из Скулян.

Рассказывая о перипетиях поездки, Пестель сообщал: "Весь вчерашний день и все утро сегодняшнего дня прошли в собирании и систематизировании новостей, касающихся событий, которые происходят в европейских провинциях Турции". Сбор сведений он вел по различным направлениям. ("Завтра у меня будет копия этой прокламации Владимирес-ко и я вам ее пришлю...", - говорится в письме Киселеву.

Пизани, которого я видел вчера вечером и с которым имел неофициальный разговор, - читаем далее, - доверил мне все то, о чем я вам имею честь писать, однако есть еще один источник, откуда я добываю подробности. Что касается этого источника, то я сообщу вам о нем при личной встрече..".

Отправляя письмо, Пестель просил Киселева сохранить его и позволить по возвращении в Тульчин снять копию о- вероятно, не только для оформления в официальную докладную, но и для себя, в связи со своими, неоговариваемыми, планами. Он рвался поговорить с Киселевым "с глазу на глаз", объясняя нежелание писать о предмете будущего разговора тем, что предмет сей "не касается ни нашей армии, ни поручения, которое вы мне дали". Между тем, это "очень интересное".¹

Можно предположить, что под "интересным" имелись в виду история и действия общества "Филики Этерия" (по письму разбросаны намеки на "скрытую" или "тайную" власть, имеющую силу над А. Ипсиланти).

Уже после встречи с Киселевым, после тульчинской беседы с ним обо всем, что не могло быть доверено письму, некоторые сведения о тайном обществе, опять же без упоминания его названия, вошли в записку официальную, предназначенную не только для штаба Второй армии, но и для доклада "высшим сферам".

Однако лишь в "Обзрении..." слова о "греках, соединенных политической целью" получили освещение не просто описательное, информационное - глубоко заинтересованное, со своим, критическим взглядом на практическую деятельность общества, подчас далекую от провозглашенных им принципов.

Таким образом, отчетливо прослеживается единая цепь: конфиденциальное письмо от 3 марта из Скулян - записка, датированная 8-м мартом - страницы "Обзрения...". И не повторение одного и того же -

осмысление как бы заново, с опорой на новые материалы, со все более пристальным, глубинным взглядом на события, которые еще не стали, но должны были, по мнению автора, стать достоянием истории.

"Общим в письмах... является их необыкновенная сдержанность в смысле обнаружения политических взглядов замыслов и работ Пестеля" - сказано в статье, посвященной письмам Пестеля к Киселеву. Подобной "сдержанности" меньше в "Обзрении...": оно откровеннее, прямее.

Следующая поездка Пестеля продолжалась почти всю первую половину апреля. В записке об этой части его миссии также обращает на себя внимание предпочтение сведениям от непосредственных участников событий. Причем, как и раньше, интересуется Пестеля мнение различных кругов, втянутых в водоворот войны. Вот несколько строк из апрельского рапорта Киселеву: "Приехав в Скулянский карантин, нашел я в оном бывшего господаря Молдавии князя М.. Суц-цо со всем семейством. Имел с ним три свидения, в которых объяснил он причины, принудившие его к выезду из Ясс и руководившие его поведением..."² В те же дни собеседниками русского офицера были многие приверженцы и посланцы Ипсиланти. Разносторонняя информация вновь обусловила объективный анализ военных, политических событий.

"...Сведения, которые в короткое время моего пребывания в Бессарабии мог я собрать и из разных разговоров извлечь..." - такова основа и другой апрельской записки 1821 года. Эти сведения касались еще более широкого круга вопросов и стекались к нему из различных, порою отдаленных мест (например, из Константинополя). Использованы они и в "Обзрении...".

В письмах Пестеля (соответствующие их места приводились) упоминаются прокламации Ипсиланти и Владимиреску, тогда уже автору известные. В "Обзрении..." прокламации не только называются, а и становятся источником глубинного разбора взглядов различных слоев повстанцев; больше того, эти документы полностью приводятся в приложении, вместе с некоторыми другими, тех же событий касающимися.

В рукописной книге в полной мере проявилось преклонение ее автора перед русским языком, богатство и силу которого Пестель чувствовал тонко. Мысли, высказанные по этому поводу в "Словнике к Записке о составе войск", включенном в том "Русская Правда" П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие" (стр. 407-409), в "Обзрении..." реализованы практически. Можно твердо заявить, что здесь по-настоящему властвует русское слово. Иноязычное - только там, где это необходимо для передачи национального колорита событий. Лишь в таких случаях появляются слова турецкие, греческие, причем,

прибегая к ним, автор тут же дает пояснения: "эфория (или управа)", "эфоры (чиновники, подвластные главной управе)", "пехоты, названной маврофори (одетой в черное платье)", "иерось-когось (священная дружина)". Специфически-военной терминологии своего времени автор избегает. Слова, которые Пестель решительно заменял в "Записке о составе войск" (и в "Словнике" к ней), на страницах повествования о событиях в Молдавии и Валахии встречаются крайне редко. Это не означает, что во всех случаях вместо них вводятся "пестелевские" термины. Но используются они широко (дружина - вместо роты и эскадрона, конница - вместо кавалерии, стан - вместо лагеря, знамя - вместо штандарта, войско - вместо армии и т. п.). Рядом с ними можно поставить другие, продиктованные тем же уважением к русскому слову. Автор ищет свое определение борцов за свободу и останавливается на слове "свободо-думцы". Выразительным "наемщик" заменено понятие "арнаут" (так называли турки солдат особого своего войска - из христиан). Из русских летописей приходит на страницы рукописной книги Царьград, заменяя собою в особо значительных случаях официальное название турецкой столицы - Константинополь.

Даже военные главы преподносятся просто, понятно, образно.

Приведем некоторые примеры:

"...Орудия греческие, хотя на морских станках поставленные, гревели непрерывно и наносили ужасный вред, а раз-но и живейший ружейный огонь продолжался безумолчно. Турки, заметив, что левая сторона укрепления, будучи недэ-кончена, была слабейшая, главные силы на оную устремили. Четырежды удары их на сие место были отражены неустрашимыми защитниками..."

"...Ядра и гранаты падали посреди их и двукратно конница врубилась в бесстройную толпу. Никакая храбрость не могла устоять далее; и так большая часть сих неустрашимых воинов, оказавших редкую оборону и стяжавших оною справедливую славу, бросилась в Прут, надеясь найти спасение на противном берегу могущественной и неприкосновенной державы..."

"...Тишина заступила кровопролитие и токмо следы оног оставались на противном берегу. Обнаженные трупы греков, лишенные погребения, валялись вдоль отмелевшей косы, строения скулянские, частью сожженные, частью разрушенные, являли место упорного боя..."

От начала и до конца "Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821-го года и соприкосновенных оным обстоятельств" написано без оглядки на традицию официальных донесений - поистине новаторски. Это произведение по праву можно считать ярким образцом публицистической прозы декабристов. Оно позволяет не только посмотреть на общество "Филик-и Этерия" и события в дунайских

княжествах глазами виднейшего из героев 1825 г., не только составить представление о его взглядах на начальный период борьбы за освобождение Греции и убедиться в том, насколько внимательно изучали декабристы опыт своих братьев в Европе; знакомясь с законченным литературным трудом Пестеля, мы впервые по-настоящему узнаем его как писателя. Всем этим, прежде всего, и объясняется интерес, вызванный нашими публикациями в СССР¹ и за рубежом.²

Следует сказать, что в статье кишиневского историка И. Иоввы, названной ниже в перечне рецензий, вместе с положительной оценкой нашей работы выражено сомнение рецензента относительно индивидуального авторства Пестеля; он склонен считать, что "авторов у рукописи было несколько" ("важное место", занимаемое в этом коллективе Пестелем, Иовва не отрицает). Аналогичная мысль ранее высказывалась и Г. Аршем при обсуждении нашего доклада на Симпозиуме в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Однако это сомнение рассеивается при внимательном чтении самой рукописной книги (в частности, тех мест из нее, которые в наших публикациях широко цитируются). Чтение обнаруживает наличие в повествовании единоличного авторского "я" ("...я принимаю в рассмотрение дела Этерии в Молдавии и Валахии", "...здесь наблюдатель видит явный спор сил природы с силами нравственными...", "...о сих последних сострадает друг человечества"). Личностный характер размышлений также противоречит назначению этого труда в качестве документа коллективного и служебного.

В настоящее время нами ведется подготовка издания "Обозрения..." в комплексе со всеми другими пестелевскими материалами о начальном периоде Греческой революции 1821 года. История декабристской литературы (прежде всего, публицистики) не может быть полной без учета творчества П. И. Пестеля, заслуживающего всестороннего анализа. В то же время представляется необходимым еще более глубокий архивно-эвристический и литературоведческий поиск для выявления и атрибутирования других утраченных произведений декабристов. Эта работа, несомненно, перспективна.

II. ДАНИЕ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО и АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОКРУЖЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

Советское шевченковедение добилось больших успехов в изучении творчества, мировоззрения, разносторонней деятельности великого украинского поэта-революционера. Но еще не создано такой биографии Т. Г. Шевченко, которая бы всесторонне и глубоко осветила все обстоятельства, все

аспекты этой яркой жизни, дала полную характеристику каждой ее страницы, доказательно раскрыла все "белые пятна", отмела то наносное, субъективное, что попало в жизнеописания и укоренилось в них. Подлинно научной биографии, призванной не только обозначить, но и в полной мере показать историческое место гениального сына Украины, его вклад в прогресс общества, человечества, мировой культуры. Нераздельность анализа жизни и творчества, неотторжимость изучаемой личности от окружающей действительности, от эпохи - эти важные особенности труда, создание которого стало назревшей необходимостью, выдвигают в качестве одной из главных задач доскональное исследование проблемы взаимодействия творчества и среды. Изучение же ее требует, в свою очередь, фундаментальной источниковедческой основы, причем во многом специфической, отличающейся от традиционной.

Источниковедение этой проблемы занимает нас многие годы. Первым научным обобщением материалов и выводов, накопленных в процессе работы, стала диссертация на тему "Изучение окружения и связей Т. Шевченко как источник исследования его творчества периода ссылки (1847- 1857гг.)", защищенная в Институте литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР (март 1969 г.) и принесшая соискателю ученую степень кандидата филологических наук. На обширном фактическом материале в диссертации раскрывалось положение о том, что изучение среды, в которой находился ссыльный поэт, дает важные, перспективные и в то же время малоиспользованные источники для исследования его литературного и живописно-графического наследия. Дальнейшее постижение биографии Шевченко, его творчества 1847-1857 гг. немыслимо, утверждали мы, без постоянного углубления знаний об окружении и связях поэта, без всестороннего выяснения места и роли в литературно-общественной его судьбе каждого из встреченных и узанных им людей.

Решению этой задачи автор остался верен и в последующие годы.

Среди выполненных исследований нужно, прежде всего, назвать словарь-монографию "Тарас Шевченко и его окружение периода оренбургской ссылки", вошедший, в сокращенном виде, в нашу книгу "Лита невольничья» Киев, изд-во "Днипро", 1971, 25, 8л.)..

В словаре-монографии содержится около 900 имен современников поэта, так или иначе связанных с ним в течение этого десятилетия. Почти 500 лиц представлены статьями персональными, дающими, при разности своих размеров, монографическую характеристику связей Шевченко с данным человеком.

Работа убеждает в том, что десять лет оренбургской ссылки Шевченко были наиболее густо населенным периодом во всей его жизни. Никогда до этого и никогда позже не встречалось на пути поэта-борца столько самых различных людей, как в то безмерно трудное, трагическое, но удивительно богатое впечатлениями время. На страницах книги восстанавливается широкая картина социальной среды, в которой он оказался в годы солдатчины.

Среди тех, кому посвящены отдельные статьи, - представители народов, которые впервые открылись для Шевченко в ссылке: казахов, туркмен, татар, башкир, каракалпаков.

Мы показываем реальных людей; которые пробудили в ссылке интерес к их соплеменникам.

Обращают на себя внимание знакомые поэта из среды оренбургских и уральских казаков. Истории, быту и нравам казачества Шевченко посвятил ряд страниц, и возникли они под воздействием личных знакомств.

В долгой ссылке Шевченко воочию увидел (и на самом себе почувствовал) всю тяжесть доли русского солдата, русского матроса. Автор считает символичным, что уже первая фамилия, первая статья, которой открывается его работа, посвящается простым людям - матросам и солдатам, сослуживцам Шевченко на Аральском море. Весьма важно знать каждого из этих людей поименно, а в дальнейшем и биографически.

На любом солдатском переходе находил поэт новых знакомых. И не просто отдельные люди оказывались в поле его зрения. В горах Кара-Тау, например, он впервые, притом близко, узнал коренных горнозаводцев Урала. В исследовании им посвящены отдельные статьи (К. Д. Гонибесов, Н. Д. Козлов и др.). Тут достаточно полные сведения об этих людях, их тяжелой подневольной судьбе и рабочей силе.

Во всем многообразии предстало перед "рядовым" Шевченко русское офицерство: и лучшие его представители, и безликие исполнители военных уставов, и отъявленные солдафоны. Нам удалось обнаружить новые документальные данные о таких интересных людях офицерского сословия, как, например, К. И. Герн, П. Ф. Гурьев, орский комендант Д. Н. Исаев, В. Д. Дандевиль, П. А. Невельский. Прояснились биографии и тех, кто сыграл в судьбе поэта роль неблагоприятную (Н. Г. Исаев, С. А. Бархвиц и др.).

Столь же различным оказался близко узнаваемый в ссылке мир чиновный. Некоторые чиновники, люди передовых взглядов и добрых сердец, стали его искренними друзьями; знакомство с другими позволило отчетливее, острее почувствовать, что из себя представляет царская бюрократия. Заслуживают быть введенными в биографию Шевченко имена таких прогрессивных личностей, как П. Н. Глебов, В. В. Григорьев, Н. А. Дмитриев, Н. Ф. Костромитинов, И. В. и Н. З. Павловы.

Но всего важнее, несомненно, то, что десятилетняя ссылка свела поэта-революционера с участниками важнейших общественных движений 30-50 годов XIX века.

На первом месте среди них стоят польские повстанцы разных лет. В нашей работе круг их гораздо шире, чем до сих пор называлось даже в трудах специальных (в частности, ценном исследовании В. А. Дьякова "Тарас Шевченко и его польские друзья").

В списке имен петрашевцев, которым посвящаются статьи исследования, - не только обычно называемые Н. Я. Данилевский, А. Н. Плещеев, А. В. Ханыков (о которых также удалось отыскать ряд неопубликованных архивных свидетельств), но и Н. А. Момбели, Н. Г. Шапошников, В. А. Головинский, близкие к этому кружку А. И. Макшеев, Н. А. Ивашицев и ряд других.

Знакомство с одним-двумя представителями того или иного многочисленного политического кружка - факт, который может таить в себе и элемент случайности, и обычное, простое человеческое расположение, не всегда убеждая в близости идейной. Но общение с большой, представительной группой таких людей (причем разновременное, на протяжении нескольких лет) случайности противоречит, давая все основания говорить о связях глубоких, внутренних - связях единомышленников.

Ссылка познакомила Шевченко с теми, кто был отправлен в Оренбургский край за участие в крестьянских и солдатских бунтах, в офицерских и студенческих кружках.

Пришло время создать политическую биографию Т. Г. Шевченко. Осуществление ее требует учета и изучения всего окружения поэта-революционера, связей его на протяжении целой жизни. Связей не выборочных - именно всех, людей не отдельных - каждого. Только так можно достигнуть научной, партийной объективности, не имеющей ничего общего с буржуазным объективизмом.

В тот же период ссылки состоялось знакомство поэта со многими категориями людей. Это ученые, писатели, медики, рыбаки, купцы, генеральские, офицерские, чиновничьи, солдатские жены, колодники и каторжники, в том числе развращенные уродливым воспитанием сынки дворян и т. д.

Пестр национальный состав окружения Шевченко. Среди тех, с кем свела поэта жизнь в 1847-1857 гг., - русские, украинцы, поляки, казахи, татары, туркмены, обрусевшие немцы и французы, литовцы, евреи, армяне, цыгане и др. Шевченко встретил представителей различных вероисповеданий - православных, католиков, лютеран, магометан, мусульман, причем общался как с прихожанами, так и с "духовными отцами".

Все они представлены в нашей монографии статьями, содержащими сведения и о самих этих людях, и о характере связей с ними (или отношения к ним) поэта-революционера. Исследователям, комментирующим наследие Шевченко и мемуары о нем, работающим над проблемами его жизни, мировоззрения, творчества, важно дойти до каждого имени, псевдонима и анонима. Это имеет далеко не частное значение. В процессе своей работы автору удалось внести поправки в датировку ряда писем поэта, предложить новые версии в связи с атрибутированием отдельных портретов, рисунков, эскизов, обнаружить ошибки в публикациях текстов.

Охарактеризуем источники, использованные нами в работе.

Это, прежде всего и главным образом, фонды архивов. Изучены сотни дел из архивохранилищ Алматы, Вильнюса, Киева, Ленинграда, Москвы, Оренбурга, Уфы и др. В ло-де поисков удалось отыскать неизвестные документы, касающиеся Шевченко; они, конечно, важны. Однако особое внимание следует обратить на изучение косвенных архивных материалов. Упоминаний о Шевченко они не содержат, но обогащают нас данными о местах, где протекала его солдатская служба, о людях, с которыми свела его жизнь.

Нужно подчеркнуть значение таких строго-документальных оренбургских источников, почти обойденных шевченко-ведами. как метрические книги церковей Оренбурга, Орской крепости. Раимского, Оренбургского, Новопетровского укреплений, Уральска и Илецкой Защиты, приказы по Отдельному Оренбургскому корпусу, Оренбургскому и Уральскому казачьим войскам, "ревизские сказки"; то же самое можно сказать о фондах канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, Пограничной комиссии дворянского присутствия, полицмейстера, которые, как показывает изучение, в лучшем случае поверхностно просматривались, в основной же своей части в поле зрения исследователей не были.

Мы часто констатируем факт исчезновения архивов Орской крепости и Новопетровского укрепления, приводим примеры их варварского уничтожения в конце прошлого-начале нынешнего веков. Бесспорно, многое утрачено безвозвратно. Но немало важнейших бумаг сохранилось, только оказались рассеянными, рассредоточенными.

Одной из своих удач автор считает обнаружение метрических книг Петропавловской цеокви Новопетровского укрепления за длительный период-с 1852 по 1865 гг. Это, вероятно, вторые экземпляры тех самых подшивок, с которымизнакомился К. М. Оберучев, приехав па Мангышлак в 1899 г. "Предполагая найти косвенное указание на связь Шевченко с местными жителями, я пересмотрел метрические книги

местной церкви за семь лет, - писал он. - Оказывается, что за все время Шевченко ни разу не был ни шафером, ни кумом ни у кого из обывателей, а также и у солдат. Делать из этого какие-либо заключения не нахожу возможным. Указывает ли это на то, что у него не было тесной связи с местными жителями или солдатами, или ему просто не разрешалось участвовать в торжествах?: Я склонен скорее думать, что первое предположение имеет мало оснований...". Это и все, что извлек случайный исследователь из церковных книг за многие годы. Стоило же отыскать их ныне, углубиться в записи, сопоставить источники мемуарные, литературные (в том числе произведения и письма Шевченко) с записями архивными, как стали на свои места многие события, его касающиеся, прояснились судьбы различных людей, упоминаемых в "Дневнике" и переписке, явилась возможность избавиться от ошибок в написании имен и фамилий.

В других фондах нами обнаружены материалы о структуре Новопетровского укрепления, о результатах инспектирования его в различные годы, о назначениях и увольнениях офицеров, о торговле, рыболовецком промысле, происшествиях и т. д.

В связи с этим можно говорить о реальной возможности реконструировать архив Новопетровского укрепления, восстановить - хотя и не полностью - фонды Орской крепости, Раимского укрепления и других мест шевченковской ссылки.

Архивные потери, несомненно, велики. Но нам нужно всемерно расширять свои разыскания и вводить в научный оборот материалы, которые еще лежат под спудом.

Необходим фронтальный поиск фондов и дел, связанных с именами множества лиц, называемых в нашей книге. Особенно активно надо искать архивы, возможно оставшиеся после А. И. Аптипина, К. И. Бюрно, К. И. Герна, Э. В. Желиговского, Д. Н. Исаева, А. П. Маевского, И. А. Усиков, семей Обручевых, Фантон де Веррайонов и т. д. Такая работа, как убеждает уже проведенное нами исследование ранее не привлекавших внимание архивов Е. И. Бларамберг, Б. А. Герна и других, способствует раскрытию важных загадок и может привести к прояснению вопросов о стихах, созданных Шевченко в 1850-1857 гг., об альбоме аральских видов и рисунков, о портретах, выполненных в Раиме, Оренбурге, Новопетровском укреплении. С достаточной полнотой учтены мемуарные источники о Т. Г. Шевченко. После его литературных и живописных произведений, дневника и переписки, первопубликации воспоминаний современников, наряду с фондами архивными, являются одним из главных источников нашей работы. Перво-

публикации (если нет современных научных публикаций таких материалов, осуществленных на основе сохранившихся рукописей) предпочтительнее позднейших! воспроизведен:!!!", в том числе в новейших

сборниках, дающих, как правило сокращенные (а зачастую и неточные) варианты. Примером неправомерного сокращения ценнейшего источника можно считать принятую ныне публикацию комментариев Бр. Залеского к письмам Шевченко. Давно назрела необходимость полного научного переиздания всех значительных мемуарных работ.

Ряд печатных источников использован нами впервые в шевченковедении. Речь идет об изданиях историко-краеведческого характера. Это книги, журнальные статьи старожилов-оренбуржцев об Оренбурге и его деятелях сороковых- пятидесятих годов XIX в. Работы Н. Г. Залесова, П. П. Жак-мона, И. В. Чернова и др. содержат обширный материал, критическое использование которого позволило обогатить биографические статьи живыми характеристиками представителей шевченковского Оренбурга. К той же группе источников относятся труды, плодотворно работавшей здесь Ученой архивной комиссии. Полезными оказались справочные издания типа адрес-календарей, памятных и справочных книжек.

Историко-краеведческая литература, даже если имя Шевченко в ней непосредственно не упоминается, заслуживает более широкого использования в научных исследованиях

Кратко остановимся на принципах построения книги.

Главную часть ее составляют статьи словарного, энциклопедического типа. Но обычный биографический (или био-библиографический) словарь решить такую задачу, на взгляд автора, не может.

Наша работа - словарь-комментарий. Мы стремились прокомментировать каждую фамилию, раскрыть каждый аноним и псевдоним, содержащиеся в произведениях Шевченко, его "Дневнике" и переписке, в воспоминаниях современников поэта, в документах и материалах о нем, причем, где это нужно, дать новое, не всегда ортодоксальное, нередко спорное, толкование взаимоотношений. При всем своем своеобразном ("словарном") построении рассматриваемый труд являет собою достаточно полную монографию об окружении Тараса Шевченко периода ссылки.

Бесспорно, важен и вопрос о построении самих статей. Все они, несмотря на различие в размерах, содержании, характере изложения, подчиняются определенному принципу, который представляется наиболее приемлемым и целесообразным не только для этого, но и для других, аналогичных, изданий в будущем.

Сведения в рамках каждой статьи располагаются в едином порядке. Сначала-фамилия, имя, отчество (в отдельных случаях, если полные данные неизвестны,-только фамилия, или фамилия и имя). Далее-должность, чин, звание, положение данного лица ко времени знакомства с ним Шевченко (или, при

отсутствии сведений о личном знакомстве, ко време ни предполагаемых, прямых либо косвенных, их связей). Затем следуют краткие сведения об этом человеке (особенно его общественном, политическом облике) в период, предшествовавший общению с поэтом, а в ряде случаев, когда это, по мнению автора, имеет значение,- и в период последующий (иногда даются биографические справки более развернутого характера). Вторую- и основную- часть каждой статьи составляют данные о дружбе, знакомстве, переписке или других отношениях (односторонних-двухсторонних, прямых-косвенных) Шевченко и того, кому статья посвящена. Тут же-авторские догадки, предположения, гипотезы, попытки иного, противоречащего принятому, прочтения дневниковых записей, переписки, мемуарных и биографических свидетельств, прямой спор с другими авторами, чьи мнения вызывают наши возражения, и, наконец, обобщенные выводы о месте данного лица в биографии поэта-революционера.

Статьи размещаются в общепринятом алфавитном порядке фамилий, имен, отчеств. Ряд статей (таких немного) носит одновременно и персональный, и обобщающий характер. Например, открывающая книгу ("Абизаров") содержит сведения о всех унтер-офицерах, матросах и рядовых, участзс-вавших в Аральской экспедиции А. И. Бутакова; в другой статье (о А. Алексееве) приведены имена и некоторые данные о рядовых и унтер-офицерах-сослуживцах Шевченко по Новопетровскому укреплению. В общем порядке даются заметки "наводящего" характера, которые, сообщая некоторые анонимы, псевдонимы, криптонимы (например, "А-в, Л. С.", "Б", "Бессребренник", "Земляк из Островной" и др.), тут же отсылают к определенным статьям о лицах, "зашифрованных" самим Шевченко или его современниками.

Обобщение обширного фактического материала об окружении и связях Т. Г. Шевченко, как мы уже отмечали, не является самоцелью, а имеет большое значение для разработки назревших вопросов анализа его творческого наследия. Подтверждением тому служат доклады автора на XVII, XIX и XX научных шевченковских конференциях, посвященные проб лемам: "Из творческой истории поэзии Шевченко 1847-1850 гг.", "К вопросу о творческой истории некоторых жанровых и пейзажных произведений" и др.

В рецензиях и отзывах на публикацию нашей работы² отмечалось ее значение как первой в шевченковедении (и историко-литературной науке в целом) попытки создания труда такого характера и масштаба. Давая положительную оценку словарю-монографии, ряд авторов делал вывод о том, что он представляет значительный интерес в связи с подготовкой двухтомной Шевченковской Энциклопедии, которая выйдет в свет в 1974 г.

Участие в выработке принципов построения, составлении словника и подготовке статей для этого первого в СССР персонального энциклопедического издания мы считаем большой для себя честью. Работа над порученными статьями-и обобщающего характера ("Ссылка Т . Г. Шевченко", "Отдельный Оренбургский корпус" и др.), и персоналией (260 публикаций)-стимулировала дальнейший поиск архивных сведений о лицах, достойных включения в биографию поэта-революционера, уточнение принципов построения статей и изложения материала в них.

Статьи, написанные нами для Шевченковской Энциклопедии, охватывают как годы ссылки Шевченко, так и период возвращения из неволи.

Продолжая работу над исследованием его окружения и связей, мы подготовили также монографический словарь, в котором обобщены и исследованы сведения более чем о 200 лицах, сопутствовавших поэту в Астрахани, на Волге, в Нижнем Новгороде и Москве.

Указанный словарь вошел, в качестве завершающей части, в нашу книгу "Ехал поэт из ссылки...", принятую к печати издательством "Дншро" (25 л.). Некоторые, принципиально важные, ее разделы опубликованы в журналах¹ и докладывались на научных конференциях.²

Излагая основные положения названной книги, отметим, прежде всего, то обстоятельство, что путь Т. Г. Шевченко из ссылки, растянувшийся почти на восемь месяцев, занимает важное, и еще не до конца осмысленное наукой, место в его биографии. Между тем, этот период, по насыщенности сво^ой равный этапу, замечателен тем, что поэт-революционер, насильно и надолго оторванный от активной общественно-политической деятельности, смог в кратчайшее время вновь приобщиться к тому главному, чем жила Россия и что волновало умы передовых людей, окунуться в бурное течение прогрессивной мысли и сказать новое, веское и страстное, поэтическое слово, знаменовавшее возвращение его в авангард нестигаемых бойцов за народное дело.

Из первых уст - от участников событий- узнал Шевченко на пути из ссылки всю правду о только что закончившейся тогда Крымской войне, которая в одинаковой степечи выявила как героизм, благородство народа, так и гнилость царского строя.

Изучение архивных материалов, особенно фондов и ЦГАВМФ СССР, позволило установить прямую причастность к этим событиям астраханских знакомых Шевченко --военных медиков И. Ф. Муравского, С. А. Незабытовского, Ф. И. Чельцова. К. И. Новицкова, Ф. И. Зброжека и др. Новые данные не только проясняют смысл ряда записей в "Дневнике" и истинное содержание дней, проведенных в Астрахани, но и

дают возможность, говоря о работе над повестью "Прогулка с удовольствием не без морали", ^стано1 вить неизвестные прежде источники этого произведения, возникновение которого исследователи связывали только с чтением автором одной из статей в "Морском сборнике". Ме отрицая воздействия этого прогрессивного издания на Шевченко, мы вправе сказать о первостепенной роли непосредственных его встреч с участниками Крымской войны, начавшихся в Новопетровском укреплении и достигших кульминации в Астрахани.

Не понаслышке, не косвенно, а непосредственно и прямо соприкоснулся в этот период Шевченко с судьбой героев 1825 года. Одни стали его личными знакомыми, о других поведали близкие к ним люди; можно сказать, что поэт оказался в атмосфере декабризма.

Особенно важное значение имело, па наш взгляд, установление дружеских связей с начальницей Нижегородского Мариинского института М, А. Дороховой-родственницей активных участников декабристского движения Вадковских и Чернышевых, невестой сосланного в Сибирь Муханова, воспитательницей дочери Пущина, близкой приятельницей Ра-тенькова, Волконского, Оболенского и др. Ее дом в Нижнем Новгороде в период общения Шевченко с Дороховой являлся связующим центром между десятками декабристов и членов их семей. Сюда прибывали их письма, приезжали погостить и отдохнуть они сами. Обнаруженные автором материалы (в том числе письма Дороховой о заботливом отношении Шевченко к Аннушке Пущиной) позволяют значительно углубить трактовку темы "Шевченко и декабристы". Они, прежде всего, дают возможность раскрыть непосредственные импульсы, вызвавшие в Нижнем Новгороде бурный всплеск декабристской темы в творчестве поэта-революционера, прояснить генезис его поэтических произведений "Неофиты" и "Юродивы".

В эти же месяцы возвращения из ссылки для Шевченко стало возможным прильнуть к живому ключу потаенной поэзии и бесцензурной журналистики - особенно изданиям Герцена и Огарева. Он познакомился, подружился с людьми, которые знали и поддерживали Чернышевского, Добролюбова, были связаны с кружками Белинского, Грановскот, Станкевича, находились на стрежне передовой общественной мысли.

Таковыми людьми являлись некоторые из астраханских знакомых поэта (в частности, капитан парохода "Князь Пожарский" В. В. Кишкин, "из заветной портфели" которого во время рейса было извлечено, прочитано и переписано в "Дневник" немало произведений, распространившихся в списках). Такими проявили себя нижегородские знакомые Шевченко, в т. ч. из служащих компании "Меркурий" Архивные поиски позволили установить, что указанный в дневниковых записях "Олейников"- на самом деле Н. С.

Алейников, который, по свидетельству замлевольца Л. Ф. Пантелеева, "называл себя учеником Грановского и большим поклонником Герцена", что И. П. Грасс, отставной военный моряк, лично общался с Чернышевским и Добролюбовым и это отмечалось даже в донесениях полицейских агентов, что загадочный "мистер Гранд"-волжский предприниматель англичанин А. А. Грант- мог показывать Шевченко "Полярную звезду" с портретами декабристов потому, что получал такие издания из Лондона, и т. д. Обширный материал для характеристики связей поэта, установленных с представителями передовой общественной мысли, дает изучение источников о лицах шевченковского окружения в Москве 1858 г.

В этот период Шевченко своими глазами увидел и с полной отчетливостью понял остроту борьбы за решение большого и больного вопроса-освобождения миллионных масс от кабалы крепостничества. Особое значение имело непосредственное знакомство с положением дел в Нижегородской губернии, где он видел и толпу крестьян, пришедших жаловаться губернатору на помещика-самодура Демидова, и -деревню Зименки, в которой мужики предали огню барское поле, и крепостников, рьяно выступавших против реформы, и тех, более трезвых, землевладельцев, что ратовали за сепарацию. За скупыми записями в "Дневнике"- глубокие впечатления и мысли человека, для которого этот вопрос являлся поистине личным.

Перед взором поэта, возвращавшегося из ссылки, раскрывались капиталистические предприятия, впервые воочию увиденные им на Волге. Постижению строя мыслей Шевченко лишь в малой степени отраженных в дневниковых его заметках, способствует изучение подлинных дел этих предприятий, особенно нижегородской конторы общества "Меркурий", со служащими которой он в Нижнем Новгороде поддерживал особенно тесные связи. Не случайно фонд № 101 ЦГИА СССР явился для нас ценным источником фактического, комментирования многих страниц как "Дневника", так и переписки Шевченко. Исследовательская практика с полным основанием позволяет ставить вопрос о целесообразности и необходимости использования в качестве косвенных материалов при изучении историко-литературных явлений также архивов и архивных фондов ведомственного характера.

На пути из Новопетровского укрепления в Петербург расширились связи Шевченко с представителями различных классов, сословий, групп. Лучше, полнее узнал он рабочих и чиновников, медиков и артистов, предпринимателей и моряков, крестьян и учителей. Изучение такой важной и еще почти не исследованной темы, как "Шевченко и театр", представляется, например, немислимим без привлечения обширного материала о деятелях Нижегородского театра 50-х т г. XIX века. В нашей книге, не носящей специального театроведческого характера, использован ряд источников, связан-, ных с артистами и организаторами этой

провинциальной труппы с местными театральными рецензиями. Анализ рецензии Шевченко "Бенефис г-жи Пиуновой..." в сопоставлении с другими откликами на работы театра в "Нижегородских губернских ведомостях", одновременный разбор упомянутой рецензии, дневниковых записей и строк из шевченковских писем, с одной стороны, и обнаруженных автором записок артиста Е. И. Климовского (Оглоблина), с другой, позволяют глубже уяснить требования поэта к театру, систему его эстетических взглядов вообще.

Предпринятое нами специальное исследование периода, возвращения Шевченко из ссылки, с использованием архивов Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Горького, Оренбурга, Астрахани, еще более убедило в том, что источниковедческая основа изучения его биографии, его творчества должна расширяться, причем решение этой задачи необходимо вести с применением всевозможных средств и методов той складывающейся ныне науки, которую можно назвать литературоведческой эвристикой. Только кропотливая, изобретательная работа по выявлению новых материалов - прежде всего документальных, архивных - позволяет прочесть биографические страницы, не оцененные до настоящего времени. К таким страницам относятся и месяцы 1857-58 гг., которым посвящена наша работа. Исключительная их важность подчеркивается всем сделанным в это время Шевченко-поэтом, Шевченко-прозаиком, Шевченко-художником. Достаточно сказать, что возвращение из ссылки отмечено пересмотром, всей невольничьей поэзии, созданием поэмы "Неофиты", запева к другой - "Юродивого", триптиха "Доля", "Муза", "Слава", выполнением множества портретов и рисунков, увлеченной работой над повестью "Матрос" ("Прогулка с удовольствием и не "без морали"), рождением новых творческих замыслов, осуществить которые ему удалось лишь частично, так как от дня приезда в Петербург в конце марта 1858 г. до рокового дня в 1861 г. оставалось всего 35 месяцев.

Скруплезное исследование вопроса об окружении и связях Шевченко этого периода дает возможность определить существенные пробелы в характеристике его творческого наследия как отысканного, так и остающегося неизвестным. Нами, например, доказано, что портреты, атрибутированные как изображения М. П. Комаровского, А. Е. Панченко, Т. З. Эпифанова, на самом деле запечатлели других лиц; портреты первых двух подлежат отысканию, в то время как Эпифанова художник рисовать не мог уже в силу неподходящих для этого условий их встречи. Такие исследования представляются полезными для определения направлений наиболее перспективных поисков утраченных и еще не обнаруженных шевченковских произведений.

Источниковедческим вопросам жизни и творчества Т. Г. Шевченко периода 1847-1858 гг. посвящен, кроме названных, также ряд других публикаций автора, в числе которых книга "По следам оренбургской зимы" (Челябинск, Южно-Уральское издательство, 1968, 9 листов), 11 статей в журналах и сборниках (12 листов) и свыше 25 газетных статей научного характера, большинство которых являют собою; главы из недавно написанной автором литературно-краеведческой книги "Адреса горя и борьбы" (4,5 л.)- о местах оренбургской ссылки поэта-революционера. Она подготовлена преимущественно на основе вновь привлеченных архивных материалов, в т. ч. картографических документов, XIX века, выявленных нами в архивохранилищах Оренбурга, Уфы и Алма-Аты. (Это еще один источник, заслуживающий внимания при создании научной биографии великого украинского поэта). Часть обнаруженных сведений такого характера нами обобщена в статьях, подготовленных для Шевченковской Энциклопедии (8 публикаций).

Продолжая работу над расширением источниковедческой основы научной биографии Тараса Шевченко, мы надеемся внести в решение этой задачи новый полезный вклад.

III. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО)

Научные интересы автора в области толстоведения связаны, преимущественно, с изучением эпистолярного наследия Л. Н. Толстого, выработкой, проверкой и применением новых принципов его использования в качестве важного вспомогательного, а в ряде случаев самостоятельного и даже единственного, источника постановки и исследования крупных проблем литературной и общественно-политической деятельности великого русского писателя. Рассмотрение этой проблематики имеет, на наш взгляд, принципиальное значение для определения ряда общих закономерностей работы с такой группой источников как письма, переписка, серьезное отношение к которым открывает перед историками литературы дополнительные, притом весьма обширные, исследовательские возможности, используемые до сих пор лишь частично. Следует подчеркнуть, что выработка общих закономерностей, являющаяся одной из наших задач на пути к утверждению источниковедения в качестве важной отрасли историко-литературной науки, ни в коей мере не противоречит требованию особого, индивидуального подхода к анализу эпистолярного наследия, складывавшегося у каждого писателя так же неповторимо, как его жизненная, творческая судьба.

Эпистолярное наследие Л. Н. Толстого занимает тридцать один том Полного собрания сочинений, выпущенного в 1928 -58 гг. Опубликование в систематическом порядке более 9000 писем по существу заново открыло немаловажную часть его литературной и общественной деятельности. Однако с выходом в свет этого фундаментального (хотя во многом и не совершенного) издания, в основном выполненной можно считать только первую часть работы над письмами Толстого. Ныне задача заключается в широком вовлечении их в научный оборот, в планомерном изучении богатейшего эпистолярия, в использовании его для постановки и решения задач большой значимости. Работы "Уход и смерть Льва Толстого" Б. С. Мейлаха, "Лев Толстой и Восток" А. И. Шифмана и ряд других, опубликованных в шестидесятые-годы, свидетельствуют об усилении внимания к анализу переписки в исследовательском плане.

К 60-м гг. относятся и некоторые публикации автора, реферируемые ниже.

Связи Л. Н. Толстого с крестьянами в дореволюционной литературе освещались почти исключительно на примерах, его общения с Т. М. Бондаревым и В. К. Сютаевым, причем только в плане религиозных исканий писателя, без сколько-нибудь серьезных попыток раскрытия социального смысла переписки, без анализа ее влияния на выработку или утверждение взглядов Толстого по коренным вопросам жизни трудового народа. Усилиями советских исследователей взаимоотношения Л. Н. Толстого с Т. М. Бондаревым раскрыты в ленинском методологическом ключе. Но большинство других крестьянских корреспондентов, среди которых есть много ярких фигур, остается без внимания. Тем самым недооценивается серьезнейший источник выяснения эволюции взглядов писателя.

Подтверждением тому служит переписка Толстого с оренбургским крестьянином А. Х. Шильцовым (1874-1933), от* носящаяся к 1908 г.

Исследуя переписку и обстоятельства, с нею связанные, автор широко использовал целый комплекс материалов: опубликованные письма Л. Н. Толстого и впервые прочитанные их черновики, воспоминания лиц из ближайшего окружения писателя, неопубликованные письма к нему самого крестьянина, документы о Шильцове и его деятельности, выявленные в государственных и семейных архивах, публикации его заметок в местной печати 1905-1907 гг., мемуарные источники о борьбе оренбургского крестьянства в период первой русской революции и др. Все это позволило монографически широко раскрыть характер принципиально важного идейного спора между неизвестным крестьянином и всемирно известным- писателем. 1

Шильцов принадлежал к тому стомиллионному земледельческому народу, интересы которого были особенно близки Толстому.

Революция 1905-1907 гг. способствовала политическому пробуждению крестьянина. Под воздействием выступлений рабочих, под влиянием прогрессивных общественных сил Шильцов со своими товарищами Абрамовым и Блиничкиными явился организатором крестьянского союза села Спасского и хутора Нижне-Аскарковского Оренбургской губернии. Нис-смотря на половинчатость и непоследовательность, выработанная ими и утвержденная на сельских сходах программа носила революционный характер. Она содержала требования о полном равноправии народов и народностей России, о ликвидации частной собственности на землю и передачи ее в общее пользование, о всеобщем народном образовании, о счете "казны", справедливом суде, широком демократизме выборов органов власти "вплоть до самых высших министерств" и т. д. Вожаки союза на некоторое время стали представителями народной власти, избранной населением и им признанной.

Чтобы пресечь крестьянское движение, губернские власти отдали приказ об аресте Шильцова и других руководителей союза. В тюрьме крестьяне стали свидетелями горячих дискуссий между социал-демократами и эсерами, в ходе которых яснее становились взгляды партий, в том числе Лб по аграрному вопросу. Тут же они получили важные уроки революционной солидарности рабочих и крестьян. Восьмидневная голодовка протеста политических заключенных против незаконных действий властей, вызвавшая широкий общественный резонанс, привела к освобождению крестьянских вожаков и еще большему сплочению прогрессивных сил Оренбуржья. Общественная деятельность Шильцова приобрела новые грани. Газета "Оренбургский край", часто публиковавшая в то время социал-демократические материалы, помещала письма и стихотворения А. Х. Шильцова, в которых находили отражения жизнь и чаяния крестьянства.

Эта деятельность непосредственно подвела Шильцова к переписке с Л. Н. Толстым. Одно из напечатанных им стихотворений ("Заключенный"), как установили мы, и было тем, которое он впоследствии послал писателю; многие слова и обороты из его опубликованных в печати материалов повторяются в первом же письме в Ясную Поляну.

Но прежде, чем письмо было написано, Шильцову довелось пережить и разгром крестьянского кружка, и горечь одиночества в результате ареста товарищей, потери связи с революционными рабочими. В обстановке разгула реакционных сил, охваченный раздумьями о путях дальнейшей борьбы за справедливость, Шильцов и обратился к Толстому, чей голос, раздававшийся на весь мир, был исполнен

тревоги о жизни, о будущем трудового земледельца. В этом письме, датированном 20 апреля 1908 г., он рассказал о себе, о своих раздумьях и попросил ответить, какого мнения писатель о "кормилице-земле", когда она не будет в частной собственности... и когда народ будет ею пользоваться на одинаковых правах"¹.

Письмо стало началом переписки-спора, который, как вытекает из анализа писем Л. Н. Толстого и его корреспондента, возник в связи с противоположностью их взглядов на пути решения земельного вопроса. ,

Сочувствуя горестям крестьянских масс, ненавидя прогнивший строй помещичье-капиталистической России, Толстой уверовал в то, что избавление от бед кроется в "едином налоге", проект которого был разработан Генри Джорджем (1839-1897). Ввести равное обложение земельным налогом, убеждал вслед за Г. Джорджем Толстой, значит сделать невыгодным для помещиков владение тысячами десятин земли и заставить их добровольно отказаться от огромных латифундий. Подробно изложив в письме от 30 мая эти свои взгляды, Толстой, одновременно, направил крестьянину и русские издания трудов американского экономиста и собственные работы по этому вопросу. Писателя явно интересовало отношение Шильцова - человека критического ума, участника революции 1905-1907 гг. - к вопросу, который горячо волновал его самого.

Ответ крестьянина, датированный 28 июля, разочаровал писателя: Шильцов не принял доводов, не согласился с ними. Красной чертой через письмо проходит мысль о том, что земля предназначена для тех, кто на ней работает. Не верит и не может поверить этот человек землевладельцам, их совести. Он пишет: "...как я понял, землю пока нужно оставить в руках помещиков и ждать, когда они сами откажутся. На мой взгляд, этого никогда не может быть. Паразиты и тогда сумеют остаться паразитами..." С большой силой звучат его слова: "...Только все и делается мозолистой рукой. Мозолистая рука питает всех и наверно скоро эта же мозолистая рука сдвинет и устраним всю неправду. Все крестьяне уже давно чувствуют, что творится что-то неладное, и вот это чувство с каждым годом, и особенно неурожайным, разрастается больше и больше, а потом сразу обрушится вся эта стихийная сила на головы злодеев..."

Именно эти места письма произвели на Толстого "очень тяжелое впечатление". Свое разочарование он выразил уже в самом начале ответа от 10 августа: "Из последнего письма вашего я заключил, что вы страдаете очень обычным недостатком людей нашего времени: большим самомнением и легкомыслием". "Легкомысленным" считает Толстой и вывод Шильцова о том, что по "Генри Джорджу земля должна принадлежать трудящимся" ("земля не может принадлежать никому, как частная собственность"), и то, что нужно ввести не уравнилельный единый налог, а подходящий, и что несправедливость может быть устранена

только "мозолистой рукой". Толстой, который в первом письме к Шильцову выступал с сильным, гневным, пусть не до конца последовательным протестом против рабства, выдвигает на первый план вредоносную, реакционную идею религиозного смирения. Путь освобождения от насилий он видит только в "доброй, христианской в настоящем смысле этого слова" жизни и потому требует "ни в каком случае не принимать участия в насилии других людей и не поддерживать его". Догмы толстовского вероучения берут верх над пониманием несправедливости жизни.

Заключительное письмо Шильцова, написанное им 12 сентября того же 1908 г., выражает чувства внутреннего достоинства труженика. Мы видим человека, еще во многом не разобравшегося и окончательно политически не сзревшего, но готового ради освобождения народа не пожалеть себя.

Переписка сыграла заметную роль в идейной эволюции как Шильцова, так и Толстого. Крестьянин, благодаря ей, смог окончательно расстаться с толстовскими иллюзиями, а писатель - еще раз критически пересмотреть свои взгляды, и, как явствует из записей в дневнике и из свидетельств Н. Н. Гусева и А. Б. Гольденвейзера, утвердиться не в своей правоте, а в своих сомнениях. Так, в дневниковой записи от 29 мая 1908 года Толстой отметил, что во время писания убедился, что при существовании государственного насилия нет средств, которые могли бы улучшить чье-либо положение".

В нашей работе прослежен весь путь корреспондент Л. Н. Толстого. Свою дорогу А. Х. Шильцов нашел не в "непротивлении злу", а в борьбе. Восстановив в годы нового революционного подъема связи с пролетариями-большевиками, он принял деятельное участие в Февральской и Октябрьской революциях, воевал на фронтах гражданской войны, участвовал в создании и укреплении первых коммун, товариществ по совместной обработке земли, колхозов. Сгюр между ним и великим писателем решила жизнь. Она доказала правоту Шильцова, ставшего в 1917 г. членом партии коммунистов.

Тем не менее спор не утратил остроты до сих пор. Идеи Генри Джорджа, которые некогда пропагандировал Л. Н. Толстой, и сейчас еще имеют хождение в капиталистическом мире. В 1955 г. в США был издан фундаментальный труд, специально посвященный теории "единого налога"; работа "Прогресс и бедность" превозносилась в нем как "высшее достижение экономической мысли". Советский народ в таких "теориях" не нуждается. Исследование переписки-спора писателя и крестьянина имеет актуальное значение и с этих позиций-как одно из наших орудий в идеологической борьбе.

На примере переписки Л. Н. Толстого с А. Х. Шильцовым нами впервые осуществлен опыт анализа творческой лаборатории писателя в работе над эпистолярными произведениями.

На закате жизни Толстой говорил: "Я повторяю последнее время старые мысли... и нахожу в них новое. Я как будто глубже в них проникаю" (А. Б. Гольденвейзер. "Вблизи Толстого"). Эти, "старые", мысли легли в основу и его писем к Шилышву.

Сопоставление письма от 30 мая 1908 г. с романом "Воскресение", с публицистическими работами "Рабство нашего времени", "Где выход?", "Великий грех" и другими выявило не столько текстологические совпадения, сколько преемственность мыслей. Это не было механическим повторением давно продуманного и решенного. Те выводы, к которым писатель пришел за долгие годы, пересматривались им в новых исторических условиях.

Письма, приходившие в Ясную Поляну, являлись живыми голосами народа, а способность заражаться настроениями масс определял, как заметил В. Г. Короленко, все крупнейшие повороты в мировоззрении Толстого. Отвечая на какой-либо проблемный вопрос одному лицу, он видел перед собой тысячи и тысячи, для которых этот ответ был не менее важен. Ни чем иным объясняется тот факт, что всякий раз, когда писатель стремился быстро откликнуться на назревшие вопросы современности, он прибегал к публикации своих писем, предварительно над ними поработав. Так возникли статьи "Патриотизм или мир?", "Письмо к фельдфебелю", "Как освободиться рабочему народу?" и другие. Они служат еще одним подтверждением того, что к эпистолярному творчеству Толстой относился как к составной части публицистической деятельности, которой, особенно в последние годы, придавал первостепенное значение. Хотя письма к А. Х. Шильцову, в отличие от ряда других, не были отданы автором в печать, мы вправе считать и их письмами-статьями. Прежде всего первое, содержащее развернутое изложение взглядов на пути решения земельного вопроса. Оно выделится и своими литературными достоинствами.

Письмо имеет четыре черновика, которые вернее назвать вариантами. Каждый абзац, каждое предложение первого черновика-варианта претерпело коренные изменения.

' Творческая история письма Л. Н. Толстого к крестьянину Шильцову (Опыт анализа эпистолярного наследия Льва Толстого). "Ученые записки Орского государственного педагогического инс^т-тута имени Т. Г. Шевченко", вып. 4, Орск, 1962, (I л).

"Вопрос ваш о земле с давнего времени занимал и продолжает занимать и теперь", - читаем в первой редакции. Тут же вставка-"меня". Местоимение подчеркивает, усиливает все предложение, делает его конкретнее: "Вопрос ваш о земле с давнего времени занимал меня и продолжает занимать и теперь".

"Не могу достаточно надивиться на то, как люди не видят всего греха земельной собственности", - следует сейчас за приведенными выше словами, а в начальной рукописи предложение было на одиннадцать слов длиннее: "и того способа уничтожения этого греха, который так прост и легок". Вычерк не случаен. В раздумьях над теорией "единого налога" Толстой все более убеждался, что путь, предлагаемый американцем, не так уж "прост и легок", как казалось ранее, и потому не считал себя вправе покривить душой. Слова, оставленные им в первых двух черновиках, затем исчезли.

В процессе работы писатель усиливает многие определения. Так, "земельный вопрос" он заменяет "земельным рабством", "крепостное право" характеризует как "крепостное рабство". Его не удовлетворяет расплывчатость, неопределенность отдельных выражений, и шлифовка продолжается до тех пор, пока они не приобретают лаконичность, выразительность.

"Люди освободили крепостных, но рабы остались в другой форме благодаря земельной собственности. Пока будет земельная собственность, будет и рабство людей - как земледельцев у земельных собственников, так и рабство рабочих у капиталистов".

Таков первоначальный текст. Сравним его с окончательным: "Люди освободили крепостных, но рабы остались ря-бами. Прежние рабы были рабами определенных господ, теперешние же рабы - рабы всех тех, кто владеет землей как собственностью. Пока будет земельная собственность, будет и рабство людей".

В черновом варианте подчеркнуто то, что отсутствует в окончательном. С заменой расплывчатого оборота точным словом в первом случае и с изъятием большей половины заключительного предложения определение приобрело законченность, остроту.

Отвечая Шильцову, Л. Н. Толстой сначала не вступает в полемику с социалистами. Но, продолжая работу над текстом письма, он не считает возможным обойти взгляды, которые оказали воздействие на его корреспондента.

Уже в ходе правки первого варианта появляется вставка: "Социалисты всех партий проповедуют освобождение пролетариата от власти капитала. Но пролетариат появился только от того, что признана была законность собственности земли. А как только появился пролетариат, т. е. согнанный с земли рабочий так появился и капитал. И потому никакие выдумки и никакие революции не могут уничтожить капитала, пока не будет уничтожена земельная собственность".

Такая редакция автора не устраивает. Он продолжает над ней думать. Сначала это поиски уточнений, вроде: "освобождение пролетариата, т. е. бедноты от власти капитала, т. е. богатых людей". Но дальше Толстой идет по пути коренного изменения всего текста, вернее - замены его другим.

"Социалисты всех партий проповедуют освобождение пролетариата, т. е. людей, не имеющих средств кормиться своими трудами, от власти капитала, т. е. от власти богатых людей, могущих по своей воле давать или не давать им эти средства. То же, что появились люди, не имеющие возможности кормиться своими трудами произошло оттого, что большинство людей было лишено естественного и свойственного всем людям права пользоваться землею, на которой они жили, и исключительное право это, называемое правом земельной собственности, дано было только некоторым людям. А как только большинство рабочих людей было лишено возможности кормиться с той земли, на которой они жили, так, естественно, все эти люди попали в зависимость или от тех людей, которые владели землей, или от тех, которые имели деньги, бо; атство, капитал, т. е. накопленные труды рабочих. И потому бедственное положение и рабство, в котором находятся у капитала вообще рабочие, как произошло от признания права земельной собственности, так и уничтожиться не может иначе, как посредством уничтожения земельной собственности".

К этой части письма Толстой возвращается уже после того, как оно было подготовлено к отправке. Результатом является вставка в начале приведенного выше текста: "Социалисты всех партий проповедуют освобождение пролетариата, т. е. людей, не имеющих орудий производства и потому средств кормиться своими трудами, от власти капитала". Поправка существенная.

Обращает внимание то, что во всех вариантах, кроме первого, отсутствуют слова, содержащие отрицание роли резолюции в освобождении пролетариата. Вопрос о революции писатель обходит.

Следующий абзац письма продолжает и развивает предыдущий: Толстой вплотную подошел к обоснованию взглядов Генри Джорджа, здесь черновые варианты особенно интересны, так как содержат неопубликованные высказывания писателя о теории "единого налога", его размышления над путями применения этого налога в России. Одна из вставок, появившихся в процессе работы над первым вариантом, по своим размерам почти равна всему письму к А. Х. Шилью-ву в опубликованной редакции. Она убеждает в конкретности толстовского подхода к применению теории Г. Джорджа в условиях России, в интересе, проявлявшемся им к практическим вопросам экономики. Тем не менее вся эта вставка, текст которой в дальнейшем подвергся существенной правке, была исключена автором. На определенном этапе работы над

письмом вписанные страницы помогли продумать, выкристаллизовать главные положения. Их писатель и оставил, безжалостно удалив ненужные, по его мнению, детали.

Работа над письмами, подробно прослеженная автором, продолжалась четыре дня. Эти дни, как убеждают, наряду с анализом рукописей, также дневниковые и мемуарные источники, были полны кропотливых, мучительно трудных поисков наиболее полного и точного выражения издавна волновавших Толстого мыслей. Его планы оставались утопическими, несбыточными, он чувствовал их слабость, и тем сложнее становились поиски аргументов, которые могли бы стать убедительными и для других, и для него самого.

Работа над черновиками толстовского письма вознаграждает принципиально важными находками, расширяющими наши представления как о кричащих противоречиях в мировоззрении писателя, так и его безграничной творческой взыскательности, которая находила выражение даже в письмах, не предназначенных для печати.

Завершая рассмотрение творческой истории письма к А. Х. Шильцову, мы сопоставили его с одновременно создавшейся знаменитой статьей "Не могу молчать". Оба произведения, написанные как бы на едином дыхании, одно другое дополняют и развивают. Это также служит подтверждением тесной связи переписки Толстого с его деятельностью публициста.

На протяжении всей своей жизни Л. Н. Толстой проявлял глубокий интерес к жизни различных народов и народностей России. Личное знакомство с национальными меньшинствами, населяющими берега Волги, особенно привлекало его внимание к судьбам татар, башкир и другого нерусского населения Поволжья. Их экономическое, политическое, культурное бесправие вызывало в писателе острый протест.

Изучение и данной проблемы не представляется возможным без вдумчивого анализа эпистолярного наследия писателя, судеб его корреспондентов. Во многих случаях переписка является главным, и даже единственным, источником выяснения взаимоотношений Толстого с представителями тех или иных народностей. В этом можно убедиться, рассматривая связи Толстого с чувашами.

Переписка с А. Ф. Никитиным, Д. П. Петровым, Н. А. Почуевым и некоторыми другими, впервые подвергнутая изучению нами, дает достаточный материал для выяснения того, насколько горести чувашей, их нужды, страдания были близки Толстому, волновали его. В равной степени переписка говорит о симпатиях, которые питали к нему представители обездоленного царизмом народа. Их уважение, их любовь являлись непосредственным откликом на обличение писателем политики насилия и угнетения.

Изучение двухсторонней переписки, в сочетании с разысканиями, проведенными в оренбургском, куйбышевском и других архивах, позволило автору полнее раскрыть проблематику писем, обстановку эпохи и деятельность тех, которые обращались в Ясную Поляну за советом и помощью.

Особенно много дало изучение взаимоотношений Толстого с А. Ф. Никитиным (1880-1939). Молодой крестьянин ценой больших усилий проложил себе путь к знаниям и стремился нести их людям. Проявив интерес к взглядам Л. Н. Толстого, Никитин в сентябре 1907 г. посетил писателя, беседовал с ним и получил для распространения запрещенные цензурой издания сочинений. По возвращении, за пропаганду произведений Толстого, Никитина арестовали. Переписка, продолжавшаяся и в тюремной камере, позволяет проследить эволюцию взглядов корреспондента - от слепой веры в толстовское учение к сознательной политической деятельности; Находясь под надзором полиции в Самаре, Никитин вместе с другим корреспондентом Толстого - Д. Петровым и ссыльным студентом Г. Федоровым (он также писал Толстому) развернул подготовку к переводам произведений писателя на чувашский язык. Это вызвало одобрение со стороны писателя, приславшего энтузиастам свои книги. Но из-за отсутствия средств осуществить намеченное не удалось. Широкое издание произведений Толстого на чувашском и других языках народов России стало возможным лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции. При Советской власти Никитин и Петров снискали заслуженное уважение за активную работу по культурному подъему народа.

Изучение писем Никитина, а также следственных дел о его деятельности привело к ряду важных находок. Письма позволяют говорить не об одной, а о двух встречах Никитина с Толстым и содержат в себе отголоски их беседы 28 сентября 1907 г., в ходе которой писатель поделился с гостем сомнениями, все чаще посещавшими его после революции 1905-1907 гг. Дело "Об исследовании политической неблагонадежности Александра Никитина и других" (Гос. архив Оренбургской области), освещающая всю историю ареста и тюремного заключения корреспондента Л. Н. Толстого, открыло неизвестную толстовскую записку, с которой Никитин был направлен к секретарю писателя Н. Н. Гусеву за литературой для распространения в народе.

"Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижениями их полного единства", - говорится в Программе КПСС. На этом пути надо изучать, притом возможно глубже, экономические, политические и культурные взаимосвязи народов. В свете сказанного исследование связей Л.

Н. Толстого с чувашами, проведенное на основе эпистолярного наследия и архива писателя, идет на пользу делу дальнейшего укрепления дружбы народов.

Для всестороннего изучения эстетических взглядов Л. Н. Толстого представляется необходимым рассмотрение его взаимоотношений, и особенно переписки, с начинающими авторами. Этому посвящена наша статья "Корреспондентка Льва Толстого" ("Юность", 1962, № 11, 0,7 л.), многие страницы книги "Живые нити" и статьи в газетной периодике.

По примерным подсчетам в Ясную Поляну поступило до 8000 рукописей литературных сочинений. Анализ их дает основания согласиться с закономерностью вывода Толстого о том, что значительная часть авторов не имела данных для литературного творчества. Но даже убедившись в этом, писатель до самого ухода из Ясной Поляны продолжал читать поступавшие рукописи, делал пометы на конвертах и почта рассылала ответы - личные или написанные по поручению Толстого близкими ему людьми. В большинстве своем ответы не содержали развернутых высказываний о литературе и литературном труде; тем не менее они дополняют нашч представления о требованиях, которые выдвигал Толстой перед каждым, кто брался за перо.

Для него неотъемлемы содержание, форма, владение словом. Но в письмах начинающим он особенно подчеркивает, что "писать можно только тогда, когда знаешь, что имеешь сказать что-нибудь новое, не известное людям, мне же совершенно ясное". Например, в письме политическому ссыльному сельскому учителю Н. А. Почуеву (1909 г.), в ответ на его искреннюю, честную исповедь о своей жизни, посвященной служению людям, Толстой заявил: "...Я советовал бы вам описать, если это вам не тяжело, свою жизнь как можно правдивее. Рассказ о том, что приходится переживать молодым, .освободившимся от суеверий, людям из народа, очень мог бы быть поучителен для многих. Я знаю редакторов, которые с радостью поместят в своих изданиях такого рода рассказ, само собой разумеется, если он будет хорошо написан...". В сочетании с изучением письма Н. А. Почуева, следственных материалов и воспоминаний о нем, ответ Толстого приобретает особое звучание, подтверждая, насколько тонко чувствовал писатель правду жизни.

Многие рукописи начинающих хранят его пометы, краткие замечания, подчеркивания, свидетельствующие о вдумчивом чтении большинства присланных произведений. Эти пометы не только не изучены, но в полной мере и не учтены.

Представляется необходимым внимательное прочтение самих произведений. Пока внимание исследователей привлекают только те, которые Толстой рекомендовал для опубликования. Литературоведы,

изучающие отношение писателя к искусству и литературе, не обходят вниманием как сильные, так и слабые стороны его деятельности. Но при рассмотрении связей Толстого с начинающими авторами ленинские указания зачастую упускаются из виду, и категорически-отрицательные оценки произведений, сделанные писателем сугубо субъективно, с позиций толстовского взгляда на жизнь, безоговорочно принимаются как должное.

Анализ работ начинающих в сопоставлении с оценкой, данной им в письмах, открывают путь к более правильному и глубокому изучению противоречий в эстетике Л. Н. Толстого. Именно такой анализ проведен нами на примере переписки Толстого с крестьянкой Афанасией¹ Скутиной из деревни Хайдук, Ирбитского уезда Екатеринбургской губернии.

А. С. Скутина в конце 1906 г. прислала искреннее, прочувствованное письмо. "Я самоучка-крестьянка, даже не умею правильно написать слова, незнакома с грамматикой, но, несмотря на все это, я очень много читаю, мне хочется знания, хочется просвещения, я не могу выносить окружающей меня среды, мне тесно здесь", - писала женщина и гут же просила дать ей "свету", указать "правильный путь", а, кроме того, быть критиком ее стихотворений. Стихи - сг том же: безрадостной, беспросветной жизни труженицы, ее мечтах и надеждах.

Заснула деревня.

Не слышно в ней шуму.

Сижу под окном я

И думаю думу.

Думаю:

Бедно крестьянин живет!

Когда же пора золотая придет?

Эта "золотая пора", как понимает крестьянская поэтесса, является уделом "всесильного барства".
Совсем другое -- "непосильное рабство" - оставлено на долю крестьянина.

Сегодня под вечер 'о

Вот буря была.

Ко мне после бури соседка зашла.

"Матушка, дай мне чайку на заварку,

Вся перемокла, уж в поле не жарко.

Дождь проливной
Целый день нас мочил.
Устала работать,
А хлебушко крошится.
Муж мой больной, у меня нету стгл".
Так причитала
Аксинья, соседка.
Семеро дома, все малые детки,
В лохмотьях, голодные ждали ее.
Хата не топлена,
Пол не метеный...
То голос нужды -
Богачам незнакомый.

Горький укор, прямой, резкий упрек, гневное обвинение ;шучали в стихах Афанасии Скутиной.

Л. Н. Толстой откликнулся скоро. Его письмо от 13 ноября 1906 г. свидетельствовало о заинтересованности в судьбе корреспондентки. Но, как обнаружилось при рассмотрении переписки, с содержанием письма и стихов 'Скутиной ответ разошелся. При всех недостатках присланных стихотворении, прежде всего - определенной подражательности их, крестьянке нельзя было отказать в знании жизни, в убежденности и искренности, в простоте языка; Толстой же заявил, что се стихи "нехороши... и по содержанию".

Такой ответ, по нашему мнению, может служить одним из примеров противоречивости литературно-эстетических взглядов Толстого, вытекавшей из противоречивости его мировоззрения. Резко и справедливо критикуя антинародный характер "Искусства высших классов", писатель в основу своего понимания народности литературы и искусства положил религиозные, патриархально-крестьянские взгляды. Требуя жизненной правдивости, простоты, ясности, он при определении качества произведений, в том числе начинающих авторов, зачастую руководствовался тем, насколько усвоено было авторами "религиозное сознание своего времени". Содержание стихов крестьянки не понравилось потому, что в этих произведениях,

написанных неумелой рукой, но продиктованных большой правдой, не чувствовалось смирения перед жизнью, безропотного принятия ее ударов.

Этот критерий оценки стихотворений Скутиной соответствует тому, который Толстой применил в своем трактате "Что такое искусство?" к анализу классических произведений. Известно, что среди них писатель обнаружил только самое ограниченное количество соответствующих требованиям религиозной морали, религиозной догмы, а потому "нужных народу". Как не вспомнить, что из своих собственных он отнес к числу произведений "истинно-христианского" искусства только два: рассказы "Бог правду видит, да не скоро скажет" и "Кавказский пленник".

Таким образом, "рядовое" письмо, "рядовая" переписка содержат в себе многое и для более конкретного понимания эстетических взглядов Толстого.

Мы, безусловно, против наивно биографического подхода к раскрытию творческой лаборатории писателя в работе над художественными образами вообще и образом крестьянского революционера Набатова ("Воскресение") в частности. В нем, Набатове, обобщены, осмыслены черты и судьбы многих народников семидесятых-восемидесятых годов XIX века. Но олицетворением их в глазах Толстого оказался оренбургский крестьянин Е. Е. Лазарев. Обстоятельства, время сделали его типической фигурой. Вот почему вполне закономерным является наш интерес не только к литературному герою, но и к его прототипу. Тем более, что изучение конкретного исторического лица, ближе других стоящего к образу романа, открывает возможности глубже, полнее раскрыть отношение великого писателя к одной из ведущих революционных сил того периода.

Среди важнейших источников изучения истории образа - наряду с записями Толстого, свидетельствами близких к нему людей, воспоминаниями Лазарева, материалами судебных и жандармских дел, ему посвященных, - следует выделить переписку писателя и будущего (а затем состоявшегося прототипа) героя романа. Письма Лазарева, ранее неопубликованные, значительно расширяют наши представления о его интересах и настроениях; в них - отголоски разговоров, которые происходили во время встреч с Толстым в тюрьме, их споров по принципиальным вопросам. Эти споры продолжались и в последующие годы - почти до самой кончины писателя. Они отчетливо проявились в переписке, продолжавшейся, с перерывами, в течение 1885-1909 гг. Исключительно важным для уяснения характера Лазарева в целом и его отношения к толстовскому творчеству представляется письмо от 18 октября 1902 года, разбираемое в пятой главе

указанного исследования. Лазарев резко критикует Толстого за его попытки отказаться от художественного творчества. Он пишет:

"Вы, который не боится никого и ничего, вдруг испугались самого себя, своей собственной природы. Вы, господин своих чувств и мыслей, хотите передать эти чувства и мысли другим людям, - и чем больше таких людей, тем лучше, -- и вдруг с тревогой останавливаетесь перед вопросом: следует ли прибегать к тому приему передачи своих убеждений, взглядов и мыслей, к которому волею судеб приспособлены в исключительно высокой степени.

Ромам, как и всякое другое сочинение, есть лишь отражение своего автора. Если художественная правда в изображении мыслей, чувств и настроений общественных типов разойдется со взглядами и логическими посылками философа, то, конечно, придется разобраться: кто прав - художественная правда или философ. А изображения художественной правды от Вас с жадностью ждут целые миллионы людей и Вы знаете, что не одних праздных людей. Итак, пишите, поучайте мир образами, - не бойтесь самого себя".

Письма корреспондентов позволяют проследить и развитие, эволюцию судеб лиц, послуживших для Толстого прототипами художественных образов, что имеет также значение для исследования психологии его творчества.

Подводя некоторые итоги рассмотрения вопроса об эпистолярном наследии как историко-литературном источнике, следует подчеркнуть необходимость: во-первых - непременно изучения двухсторонних связей> во-вторых - изучения переписки и поставленных в ней проблем на широком общественном фоне, с тщательным анализом взглядов писателя, их эволюции и, в-третьих, - досконального выяснения личностей корреспондентов, что, в свою очередь, может послужить делу отыскания неизвестных и ценных дополнительных материалов о деятелях или явлениях литературы.

Неправомерно, на наш взгляд, деление авторов писем на "литературные имена и деловых корреспондентов", с одной стороны, и "случайных, неизвестных лиц", "случайных корреспондентов", с другой. Определение "случайные корреспон-ты", которое приобрело в отдельных работах (о Толстом и не только о Толстом) силу термина, принижает роль огромной массы писем, их значение в жизни писателя и мешает всестороннему, объективному изучению всего эпистолярного наследия, роль которого пока недооценивается.

Назрела необходимость создания систематических аннотированных указателей всех корреспондентов наших выдающихся писателей, со ссылками на присланные письма, характеристикой тематики, сообщением

об ответах или пометах адресата и наиболее важными сведениями о са-мих корреспондентах; при этом должна быть, по возможности, прослежена их судьба до и после переписки. Единственным сводным изданием, дающим представление о корреспондентах Л. Н. Толстого, является пока каталог, составленный Ф. В. Буслаевым (Ш4б), .однако он содержит данные, притом неполные, только о 316 корреспондентах, что составляет незначительную часть всех писавших.

***

Заканчивая характеристику наших работ в области тол-стовсдения; назовем и некоторые другие исследования: "Страница из биографии Льва Толстого" (о пребывании писателя в Оренбурге в 1876 г., на новых архивных данных, с выяснением творческих целей поездки)*, "Дело Мигурских" (о реальной основе рассказа "За что?", на материале впервые обнаруженных нами архивных дел)"*, и др. Около 15 публикаций об окружении Толстого и его корреспондентах помещено в разное время в журнальной и газетной периодике.

IV. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДРУГИХ НАУЧНЫХ РАБОТАХ АВТОРА ДОКЛАДА

Проблематика, охарактеризованная в основной части доклада, представляя собою главное в научной деятельности автора, не охватывает ряда ее аспектов, которые мы считаем целесообразным отметить в заключение. Тем более, что называемые ниже работы в той или иной мере также связаны с задачами расширения и углубления источниковедческой базы истории литературы, хотя в данном случае уже литературы советского периода.

В разные годы нами исследовались неизученные или слл-бо изученные стороны жизни и деятельности Н. А. Островского и А. А. Фадеева, выдающегося армянского поэта-коммуниста Ваана Теряна, ряда литераторов из среды "бывалых людей".

В книге "Тетрадь Николая Островского" (1968, Оренбург, 4,3 л.) на основе впервые изученных и опубликованных писем к писателю-бойцу раскрыто вдохновляющее и мобилизующее воздействие его произведений на советскую молодежь, прежде всего - занятую на ударных стройках второй пятилетки. Введение в научный оборот ранее обойденных материалов (переписки, записных книжек, периферинной прессы) позволило дать очерк взаимодействия писателя и читателя, сосредоточив при этом внимание на одном из важнейших районов страны - Урале.

Цикл "Сенатор от штата Сорочинск" (журнал "Урал", 1966, № 5, 1971, № 12; сб. "Фадеев на Урале", Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1966, общий объем 2,4 л.) на неисследованных материалах десятилетней депутатской деятельности А. А. Фадеева в Сорочинском избирательном округе Оренбургской области раскрывает практическое понимание и осуществление писателем им же выраженной задачи: "Включение художника в советскую действительность, его общественная работа, его связь с широкими массами трудящихся - все это совершенно необходимо для обеспечения высокой* идейности и художественности работы наших писателей".

Изучение материалов о последних месяцах жизни классика армянской поэзии Ваана Теряна, являвшегося на заре Советской власти одним из активных строителей новой Армении, позволило раскрыть обстоятельства его жизни и творчества в этот период, а, кроме того, выявить находившийся в семье поэта и не использовавшийся в научных целях его творческий архив, представляющий огромный интерес. Результаты предпринятого поиска нашли освещение в журнальных публикациях ("По следам поэта" - "Литературная Армения", 1965, № 6, "Дом на старой улице" - "Урал", 1965, № 7; общий объем 1,4 л.).

Нами выявлен и опубликован художественно-публицистический очерк И. С. Кутякова "О Чапаеве" ("Урал", 1966, №9, 2л.). Написанный в середине 30-х гг. ближайшим соратником В. И. Чапаева очерк, вместе с книгами его автора ("С Чапаевым по Уральским степям", "Разгром Уральской белока-зачьей армии" и др.), должен стать объектом пристального внимания со стороны исследователей, занимающихся историей и проблематикой советской мемуарной литературы о гражданской войне.

К слабо изученному разделу литературы относится творчество советских людей, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны в фашистской неволе. Для частичного восполнения этого пробела может быть полезна наша публикация "Константин Берегов, поэт Маутхаузена" (в сб. "Продолжение славы", Оренбург, 1962, 0,6 л.).

Работы, названные здесь, как и отдельные из перечисленных в предыдущих разделах, могут быть, в различной степени, "отнесены также к литературно-краеведческим. В связи с этим считаем нужным подчеркнуть, что, по мнению автора, литературное краеведение является неотъемлемой составной частью филологической науки, подходящей к изучению истории и теории литературы с нацеленностью на глубокое уяснение всех особенностей исследуемого процесса и роли каждой творческой личности, в нем участвующей. Тем не менее, коль скоро речь идет о краеведении, неизбежна известная локализация исследования для возможно более скрупулезного (однако неизменно объективного) рассмотрения вопроса о

месте того или иного города, района, края в литературно-общественной судьбе писателя (и, конечно, писателя - в жизни края). Мы убеждены в том, что литературное краеведение должно быть поставлено на глубоко научную основу. В связи с этим, применительно к задачам данной работы на Урале, с которым автор связан тридцатью годами своей жизни, необходимо решение ряда практических вопросов (о периодическом издании томов "Литературного наследия Урала", о подготовке к выпуску "Уральской литературной энциклопедии" и др.).

Решение любой исследовательской задачи требует своей "стратегии" и "тактики". Но безусловно необходимым в процессе каждой работы представляется сочетание кропотливого изучения наследия писателя (художественные произведения, дневники, переписка, включая все черновики и варианты) с тщательным рассмотрением известных документальных и мемуарных источников, выявлением малоизвестных и забытых публикаций и, наконец, с изобретательным поиском нового в архивных фондах - центральных и местных. Важнейшее значение имеет изучение печатных и архивных источников, касающихся времени, периода, к которым исследуемое явление относится. "Косвенные" источники позволяют глубже постичь и дух эпохи, и конкретные его проявления в интересующих исследователя местах. В ряде случаев несомненную пользу приносит выезд в населенные пункты, имеющие отношение к рассматриваемым событиям, поиск людей, в той или иной степени с ними связанных.

Они были обобщены в докладе "Некоторые вопросы методики литературно-краеведческого поиска" на зональной конференции по литературному краеведению (Челябинск, май, 1972; тезисы опубликованы).

В исследовательских работах мы стремимся к раскрытию не только результатов изучения проблемы, но и методики, механизма эвристического поиска, совершенствование которых имеет, на наш взгляд, важное значение. Работа автора в этом направлении отмечалась, как правомерная, во всех перечисленных в докладе, а также других печатных откликах на его публикации;

Завершая обзор, отметим, что; по долгу руководителя курса марксистско-ленинской эстетики Оренбургского политехнического института и проблемной лаборатории Института эстетического воспитания при Педагогическом обществе РСФСР, мы на протяжении последних лет проводим также работу по изучению и совершенствованию методики эстетического образования и воспитания в технических вузах.²

Широкий размах литературоведческих исследований, осуществляемых в нашей стране, предопределяет многоплановость научных интересов историков литературы. Продолжая работу над рассмотрением неизученных сторон деятельности выдающихся представителей литературы, особенно XIX

века, автор видит свою задачу в обогащении источниковедческой базы науки, в выработке (и проверке практикой) теоретических основ источниковедения и эвристики историко-литературного процесса, изучение которого, по нашему убеждению, без этого невозможно.

Часть из этих откликов учтена и приведена в книге: А. К. Шарц. Леонид Наумович Большаков (Биобиблиографические материалы). Пермь, 1966, с. 32.

Обобщение ее дано в докладе на Всероссийской конференции по эстетическому воспитанию (апрель 1973 г.) Тезисы доклада опубликованы в сб. "Социологические и психологические проблемы эстетического воспитания" (М., 1973, 0,3 л.).

Изучение окружения и связей Т. Г. Шевченко - один из важных, перспективных и в то же время малоиспользованных источников исследования" его литературного и живописно-графического наследия. Постановка и разработка этой проблемы применительно к рассмотрению широкого круга вопросов жизни и творчества великого украинского поэта-революционера периода оренбургской ссылки является главной целью настоящей диссертации, определяющей ее характер и актуальность.

В последние годы, связанные с великими шевченковскими юбилеями, интерес литературоведов.-историков, философов к выяснению подлинной картины взаимоотношений Тараса Шевченко с современниками, воздействия социальной среды и- политических связей на его мировоззрение и творчество заметно повысился. Об этом свидетельствуют труды Е. П. Кирилюка, Е. С. Шаблювского, Ю. А. Ивакина, В. А. Дьякова, Л. Ф. Хинкулова, Г. Д. Вёрвеса, В. С. Бородина, В. Е. Шубравского, Г. П. Паламарчук, Л. Ф. Кодацкой, П. В. Жура и других исследователей.

Но даже с учетом работ перечисленных авторов следует сказать, что узанной, названной, понятой до конца остается только некоторая часть лиц, имевших отношение к судьбе и творчеству Шевченко. Многие имена сопровождаются неточными, а порой совершенно неправильными характеристиками; утвердилось искаженное написание фамилий, имен и отчеств, затрудняющее поиски дополнительных сведений; об иных лицах неизвестно ничего и, как правило, комментария они лишены вовсе.-Это касается даже людей, названных самим Шевченко. Особенно велики пробелы такого характера в литературе, относящейся к десятилетию ссылки.

Дальнейшее изучение биографии Тараса Шевченко, его творчества 1847-1857 гг. немислимо без постоянного углубления наших знаний об окружении и связях поэта, без всестороннего уяснения места и роли в литературно-общественной судьбе гениального сына Украины каждого из встреченных неузнанных им людей.

Интерес диссертанта к разрабатываемой теме связан с его четвертьвековой работой в местах шевченковской ссылки, с многолетними разысканиями в периферийных и столичных архивах. Результаты исследований нашли отражение в книге "По следам оренбургской зимы».

Итогом научных поисков является подготовленный к печати монографический словарь "Тарас Шевченко и его окружение периода оренбургской ссылки", который содержит сведения почти о девятистах лицах, прямо или косвенно связанных с поэтом в разные годы солдатского лихолетья. Впервые предпринятое в столь широких масштабах изучение окружения и связей Шевченко потребовало от автора выработки специальной методики сбора, обобщения, анализа большого по объему и сложного по своему характеру научного материала. Об этом своем труде диссертант докладывал на XVII научной Шевченковской конференции (1968).

Представленное исследование, основываясь на обширном документальном материале, содержащемся в указанных работах, не только обобщает его, но и, в свете марксистско-ленинского учения о литературе как "методологической основы исследования, разрабатывает назревшие проблемы научного литературоведения, связанные - с анализом творчества Шевченко десяти лет ссылки: ' И использованные в диссертации источники могут быть классифицированы как литературные, живописно-графические (изобразительные) и архивно-справочные.

В составе литературных источников - произведения и письма Шевченко в наиболее полном и точном их текстологическом прочтении, письма к поэту и переписка близких к нему людей, статьи и заметки мемуарного характера, историко-краеведческая литература (в том числе произведения всех авторов, писавших об Оренбургском крае).

Живописно-графические источники охватывают портреты, рисунки, наброски, эскизы, сделанные Шевченко в ссылке, а также художественные работы его современников (А. Ф. Чернышева, Б. Ф. Залеского и др.).

Архивно-справочные источники подразделяются на две категории: книжно-справочные и собственно архивные.

К книжно-справочным относятся адреса-календари, памятные книжки, росписи должностей и т.д. Изучению подверглись справочники, выходившие в течение 40-60-х годов как в Петербурге (общероссийские), так и в губерниях (местные), причем из местных - все издания этого-типа, выпущенные в Оренбурге, Уфе, Самаре. -

Но главное внимание в процессе исследования было уделено источникам собственно архивным. Изучены многие сотни дел в архивохранилищах Оренбурга, Казанского Архива Ленинграда, Москвы, Уфы, Вильнюса. Часть из них была введена в научный оборот ранее, однако при просмотре архивных документов обнаружены дополнительные факты. Большинство же архивных фондов рассмотрению подверглось впервые. Особо следует подчеркнуть значение таких оренбургских источников, обойденных шевченковедом, как метрические книги церкви Оренбурга, Орской крепости, Раимского и Новопетровского укреплений, Уральска и Илецкой Защиты, указы по Отдельному Оренбургскому корпусу, Оренбургскому и Уральскому казачьим войскам, "ревизские сказки", большинство дел канцелярий генерал-губернатора, пограничной комиссии, полицмейстера и т. д.

Сочетание всех видов источников (с преобладанием архивных), изучение их в комплексе, на основе критического анализа, создало предпосылки для решения научно-исследовательских задач, поставленных диссертантом, и в решающей степени определило характер, содержание исследования.

Диссертация состоит из Введения, двух глав (по четыре раздела в каждой) и заключения.

Введение обосновывает тему, определяет цели и задачи исследования, дает характеристику использованных источников.

В первой главе - "Изучение окружения Т. Шевченко и проблемы исследования его литературного наследия" - особо рассматриваются вопросы: о творческой истории некоторых произведений "невольничьей поэзии" (1847- 1850 гг.), о единстве жизни и творчества как главном принципе русских повестей (на материале повести "Близнецы"); о путях и проблемах анализа шевченковского "Дневника"; о переписке Т. Шевченко как важном биографическом и историко-литературном материале.

Десять лет ссылки Т. Г. Шевченко оказались наиболее "густонаселенным" периодом во всей его жизни. Никогда до этого и никогда позже не встречалось поэту-борцу столько самых различных людей, как в то безмерно трудное, трагическое, но удивительно богатое впечатлениями десятилетие.

В этот период состоялось близкое знакомство поэта с солдатами, матросами, рабочими, с офицерами и чиновниками, с другими социальными и сословными категориями, а также с неизвестными ему дотопе народами и народностями, прежде всего Средней Азии.

На формирование политических симпатий и антипатий, творческих замыслов и свершений Т. Шевченко повлияли, и весьма действенно, тесные связи с участниками общественных движений русского, польского, украинского, литовского и других народов, крестьянских и солдатских бунтов, офицерских и студенческих кружков, оказавшимися одновременно с ним в оренбургской ссылке. Общение с этими людьми расширило политические горизонты позволило ему глубже постичь суть общественных язв-яснее увидеть размах, цели и перспективы борьбы. Под влиянием таких контактов поэт в своем творчестве все чаще и острее выступает пропагандистом союза русского и украинского крестьянства для ниспровержения крепостничества, поборником революционного единения славянских народов, глашатая активной национально-освободительной борьбы. Политические связи 1847-1857 гг. во многом предопределили его общественно-литературную, деятельность в период первой революционной ситуации, в одном лагере с Герценом, Чернышевским, Добролюбовым.

Изучение творчества Т. Шевченко в сочетании с анализом материалов, собранных по каждому из лиц шевченковского окружения, послужило основой рассмотрения проблем, вытекающих из темы диссертации в целом и первой ее главы в частности.

На примере стихотворений 1847-1850 гг. диссертантом устанавливается и доказывается идейно-литературное значение личных контактов Шевченко с представителями общественных сил и прогрессивных движений тридцатых-пятидесятых годов XIX столетия.

Непосредственными импульсами к созданию стихотворения "Полякам" ("Ще як були ми козаками") послужили связи с более широким кругом солдат из числа польских ссыльных, чем отмечается до сих пор в биографиях и исследованиях.

Сослуживцами поэта в Орской крепости, наряду с упоминаемым и в литературе С. Круликевичем, И. Завадским, О. Фишером, являлись также С. Буховский - участник восстания 1830-1831 гг., а впоследствии событий 1846 г., А. Попель-ссыльный с 1839 г., Б. Колесинский- отданный в солдаты в начале 1848 г. Эти лица, вместе с названными ранее, и представляют собой "коллективный адресат" шевченковского стихотворения в его начальной редакции, созданной в первый год ссылки.

Дружеские связи с вольнолюбивыми поляками, возникшие еще в Орской крепости, существенно расширились в -Раиме и на Кос-Арале. Но по-настоящему широкие масштабы они приобрели в период "оренбургской зимы" 1849-1850 гг. К этому, времени относится знакомство поэта и с наиболее близким ему на протяжении ряда последних лет Б. За'леским. Тем не менее версия о Залеском, как единственном адресате обращения, содержащегося в последнем восьмистишии рассматриваемого стихотворения, не может "считаться правомерной.»

Исходя из особенностей построения стихотворения в его окончательном варианте, диссертант пришел к выводу о том, что заключительные строки являются прямым продолжением поэтического разговора Шевченко с лицами, бывшими его собеседниками прежде. Людьюми же, с которыми поэт мог вести разговор на эту тему в Орской крепости, а затем продолжать в Оренбурге, были Балтазар Колесинский и Александр Попель - участники группы, в рисунке "Т. Шевченко среди ссыльных.

Это, конечно, не исключает более широкого адресата стихотворения. Не случайно поэт впоследствии дал ему обобщающее название: "Полякам".

Единственным известным опытом Шевченко в жанре басни яв ляется произведение "На ниву в жито уночь ("Сичь»)), навеянное, как предполагают исследователи, галицийскими событиями 1846г. Эта гипотеза .подтверждается впервые приводимыми диссертантом фактами непосредственной связи поэта с живыми участниками названных событий еще в Орской крепости, а затем на Аральском море. Шевченко, как установлено, служил в одном батальоне с И. Дарчюком, П. Маслюком, Я. Михалько, М. Чемердой, принадлежавшими к силам, выведенным в басне в образе "голешенького мужика" -того самого "мужика", который не был намерен ждаты, пока его судьбу решат некие шляхетские "сычи".

Если бы Шевченко знал о галицийских событиях лишь по рассказам4 польских ссыльных из дворян, руководствовался узанным только от шляхетских повстанцев, столь решительной поддержки действий крестьян в басне могло бы не прозвучать. Уважение к лично узанным им участникам событий поэт-революционер и выразил в крупном, масштабном образе "мужика", несущем в себе главную идею произведения.

. Сравнительный анализ стихотворения "Ну що б, здавалося, слова..." и страниц повести "Близнецы", посвященных встрече лекаря Соки'ры с земляками-украинцами в Островной (Оренбургской губернии), убеждает в преимственности как общих авторских оценок, так и индивидуальных характеристик представителей народных масс. Осмысленное в стихотворении проложило себе дорогу в повесть. .

Установление личности "матроса из Островной" - участника экспедиции Ивана Васильева - позволяет, на основе данных о его службе, определить, кроме того, более точную дату написания поэтического произведения: лето или осень 1848 г. (а не вторая по-ловина 1848-го).

Рассмотрение двух последующих стихотворений "невольничьей поэзии" дает возможность полнее уяснить взаимоотношения Шевченко с представителями русского народа.

Стихотворение аральского цикла "Добро, у кого б господя!.." наверно, как доказывает диссертант, беседою не с польским ссыльным Томашем Вернером, а со старшим фельдшером описной экспедиции коренным оренбуржцем А. А. Истоминым.

В стихотворении "Ми заствали, розшлись..." воспет прощальный вечер друзей, который состоялся в конце декабря 1849г. с участием, наряду с обычно называемыми Шевченко, Лазаревски- (ми и Левицким, также их русского собрата - штурмана, биография которого в диссертации приводится впервые. о анализ, который, разбор литературный, в данном случае'йэтический сочетает с доскональным знанием обстановки и связей -соответствующего периода, позволяет добиться понимания рассматриваемых стихотворений во всей полноте.

Такой вывод применим и к произведениям прозаическим, в том числе русским повестям, основой котбрых является принцип единства жизни и творчества.

Отдельные исследователи, рассматривая вопрос об автобиогра-физме образа лекаря Сокиры, видят его исключительно в идентичности впечатлений Шевченко и созданного им героя повести, вовсе упуская другое- то, что Савватий вобрал в себя черты многих медиков вошедших в биографию поэта ссылки. Не "имея достаточных оснований назвать определенное лицо в качестве единственного реального прототипа Савватия Сокиры, мы с полным основанием можем говорить о большой, представительной группе врачей, узнанной автором "Близнецов" в, местах своей солдатчины. Если среди друзей поэта предыдущих лет можно назвать, по сути дела, одного врача-А. О. Козачковскогр, то .в 1847-1857 гг в круг его близких знакомых вошли М. С. Александрийский и К. Б. Богословский в Орской крепости, В. Н.Белов, А. М. Лавров, С. С. Килькевич, А. А. Истомин -в РаимейнаКос-Арале, П. А. Майдель, И- М. Богаткевич-в Оренбурге, С. Р. Никольский и А М Лебедев -на Мангышлаке. Знакомство с оренбургскими медиками в решающей степени повлияло на определение профессии, биографий и основных черт Сокиры в повести/несущей идеи гуманистического, нравственного воздействия на современников.-

Непосредственным выражением собственного опыта Шевченко являются путевые страницы той же повести. Глубоко демократическая идейная устремленность их автора наиболее проявляется при сравнении описаний одного и того же перехода к Аральскому морю в повести Шевченко "Близнецы" и "Рассказах проезжего" П. Небольсина (1854 г.). Критическое сопоставление аналогичных мест убеждает в духовном, моральном, наконец политическом превосходстве шевченковского лекаря над небольсинским рассказчиком. Условия в которых находился автор "Близнецов", не дали ему возможности нарисовать фигуру борца. Но логика рассуждений Савватия Сокиры, его наблюдений и мыслей могла привести к этому и подводит достаточно близко. Сравнительный анализ названных произведений еще более подчеркивает, что ведущей чертой эстетики Шевченко являлся принцип правды.

Т. Г. Шевченко принадлежит честь создания беспощадно-правдивого, обличительно-острого образа офицера в литературе XIX столетия.

Художественный образ Зосима Сокиры возник в результате работы над нравами "беспардонной военщины", развращаемой гнусной системой воспитания в кадетских корпусах, а затем всем строем армейской службы. Одним из реальных прототипов Зосима - носителя типичных черт тогдашнего офицерства - явился оренбургский прапорщик Н. Г. Исаев, чей донос на поэта привел к его аресту в 1850 году. Герой повести и его прототип происходили из Полтавской губернии, относились к сословию землевладельцев, учились в одном и том же Петровско-Полтавском кадетском-корпусе, а затем служили прапорщиками в отдаленных батальонах, отличаясь, и это главное, одинаковыми качествами. Во многом совпадает даже их портретная характеристика: Зосима - в повести, Исаев - в портрете работы Шевченко.

Црвееть "Близнецы" относится к ценным автобиографическим источникам, исключительно важным для воссоздания обстоятельств жизни поэта в ссылке.

Безупречная точность названий, в том числе труднозапоминаемых в силу своего нерусского происхождения, строгая последовательность географических пунктов, четкая транскрипция казахских слов, выражений и достоверность их перевода,- все это убеждает в том, что во время работы над повестью Шевченко располагал записями дневникового характера. Такой вывод следует распространить на описания не только перехода из Орской крепости к Аральскому морю, но и поездок через заволжские степи в Оренбург, а-затем из Оренбурга в Орскую крепость.

Полная вероятность использования путевых записей еще выше поднимает значение этих страниц как источника достоверных биографических сведений о Шевченко. Так, описание переезда Сокиры в Орскую

крепость подтверждает документально обоснованное мнение диссертанта о том, что и сам Шевченко находился в пути не восемь дней, как до сих пор утверждают биографы, а всего три. Выезд его из Оренбурга 20 июня 1847 года, а не 14-го, как значится в летописях и биографиях, позволяет сделать вывод о том, что в течение десяти дней своего первоначального пребывания в Оренбурге Шевченко имел возможность завязать более широкие и основательные связи, пригодившиеся ему в дальнейшем.

Выяснение "истинной протяженности переезда во времени еще более убеждает в художественной зоркости автора повести. Это весьма важно для анализа творческой лаборатории Шевченко, истории его работы над "Близнецами".

Особое место среди литературных произведений Т. Шевченко занимает "Дневник". Исследовательская литература о нем пока невелика, комментарий неполон и неточен. Одной из важнейших предпосылок создания всестороннего научного комментария к его-му труду служит знание фактической, документальной основы, на которой он возник.

Установлены все 4 категории действующих лиц, названные поименно, отмеченные безымянно, псевдонимом или криптонимами. На основе широкого привлечения различных источников, прежде всего архивных, выяснена личность каждого из тех, о ком писал Шевченко.

"Дневник" свидетельствует об изменениях в составе друзей поэта и: критериях, вызывавших такие изменения. Среди виднейших фигур на его страницах выступает артиллерийский офицер С. Говский - участник польского восстания 1830-1831 гг. В отличие от Московского сотник Чеганов сколько-нибудь заметного места в дневниковых записях не занимает; Между тем, как установлено диссертантом, это был тот самый "Федор Ефимович, добрый человек", - о котором мемуарист Н. Ф. Савичев писал как о лучшем друге Шевченко первых лет пребывания на Мангышлаке, Знакомство с ним поэта не прекратилось "далее, но с прибытием Мацея Валентьевича Мостовского казак-старообрядец как бы отодвинулся на второй-план, уступив место бывшему польскому повстанцу, с которым Шевченко мог говорить о событиях политических, о свободе и борьбе за нее.

Изучение "Дневника" позволяет ввести в круг новопетровских знакомых Шевченко близкого в свое время к петрашевцам ученого Н. А. Ивашинцева, участника обороны Севастополя штурмана К. К. Середовича, а также значительно больше солдат и унтер-офицеров из польских ссыльных, чем называлось ранее (С/С. До-морацкогр, А. К. Бышевского и др.).

"Дневник" вводит нас в творческую лабораторию Шевченко-драматурга, раскрывая весь процесс возникновения замысла, разработки сюжетной линии и. от дельных сцен водевиля "Свадебный подарок, или недошитая кофта". Однако нет никаких оснований-утверждать, будто замысел был осуществлен, и в связи с этим отождествлять "Свадебный подарок..." с утраченным "Драмаие ческим произведением, без названия и конца, неизвестно какого времени".

. До -сих пор не прекращаются споры о том, предназначался "Дневник" для печати или только для чтения в дружеском кругу. Изучение способов обозначения и характеристики действующих лиц дает дополнительные доводы в пользу того, что Шевченко думал над возможностями, опубликования дневниковых записей. Лишь поэтому, по мнению диссертанта, прибегал он, в частности, к криптонимам ("Ч" - вместо Чирц), псевдонимам ("Молчалин А" - вместо Жуйков), безымянной подаче персонажей ("тесть" и "невеста" - вместо отца и дочери Васильевых).

"Дневник", как образец документально-художественной прозы Шевченко, служит мостом между творчеством периода ссылки и последних лет его жизни.

Бесценным биографическим, историко-литературным является переписка Т.Г.Шевченко 1847-1857 гг.

Шевченко имеют и самостоятельное значение как произведения эпистолярного творчества. Выдвигая это положение, обращает внимание на необходимость всестороннего шевченковских писем.

На примерах взаимосвязей Шевченко с часто упоминаемыми письмах З. Сераковским, Э. Желиговским, М. Зеленко, а также с эпизодическими лицами переписи (Н. А. Бутурлин и др.) в диссертации раскрывается не только характер истинных отношений поэта с названными людьми, но и методика научного поиска, в основе которого стремление узнать и понять все имена - повторяемые и единичные, прояснить все случаи безымянных, или явно завуалированных, упоминаний-характеристик. При этом, как убеждает опыт, важен своевременный отказ от довлеющей над исследователем силы традиции, зачастую приводящей к повторению и усугублению ошибок, допущенных ранее.

Одной из первостепенных является проблема точного, обосо-вайного датирования писем. Только правильное определение времени их написания делает письма действительно ценным источником освещения важных вопросов бирграфии Шевченко, исследования эволюции его взглядов, взаимоотношений с людьми, истории творческих замыслов и свершений.

Между тем, еще до сих пор в этом вопросе часты недоразумения, ошибки. Как убеждает, анализ, письмо к В. Репниной, публикуемое среди переписки 1856 года, относится ко второй половине 1856г.; письмо к Б. Залускряму, датируемое сентябрем-ноябрем 1853 г., на самом деле написано 5 февраля 1854 года, и др. Письмо, "от середины декабря* 1847 Г. послано Шевченко не художником Алексеем Филипповичем Чернышевым, а его двоюродным братом Александром Илларионовичем, урядником казачьего войска; точная дата написания - 9 декабря того года. ",

Научное изучение застарелого творчества Шевченко, исследование его переписки подразумевает глубокий текстологический анализ каждой страницы-и строки всех писем - им написанных и им полученных. Тем более, что недостатков текстологического характера не лишены даже новейшие издания. Подтверждением может служить письмо к Б. Залескому от 9 декабря 1854 года, при публикации которого из издания в издание повторяется авторская вписка, искажающая смысл весьма важного абзаца. Текстологические Ошибки особенно часты в тех современных публикациях, которые основываются не на автографах. Так, в письме Ф. Лазарев-ского от 27 апреля 1848 года диссертантом обнаружено три искажения фамилий людей, связанных с Шевченко.

Вторая глава диссертации-"Исследование художественного наследия Т. Шевченко в связи с изучением его окружением периода ссылки" - посвящена творчеству Шевченко-художнику.

Диссертант исходит из того положения, что годы ссылки явились периодом исключительно высокой активности и творческого роста художника Шевченко.

Изучение окружения- и связей - реальный, притом весьма перспективный, путь к более точному и полному атрибутированию соданных им в эти годы портретов, картин, рисунков, эскизов; пока, в известной своей части, они комментируются произвольно и с явными ошибками.

Основное внимание во второй главе уделяется двум проблемам: во-первых, изучению окружения Шевченко как источнику всестороннего исследования известных его произведений живописи, и графики, во-вторых, изучению окружения как источнику определения подлинных масштабов деятельности художника и установления еще неизвестных его работ.

Непреходящее художественное значение имеют портреты, выполненные Т. Г. Шевченко и являющиеся образцами реализма в портретном искусстве XIX столетия.

Шевченко проявлял большой интерес к людям, причем различным по их месту в жизни и своеобразной сложности характеров. Даже портреты заказные, выполненные с целью заработка, в полной мере несут в себе такое внимание.

Дошедшие до нас работы убеждают в многообразии лиц, с которыми свела его жизнь и которых он запечатлел.

Выяснение того, кем была Е. П. Бларамберг, даёт основания говорить о знакомстве Шевченко с семьей видного военного специалиста в области картографии, топографии и инженерного дела. Из этой семьи впоследствии вышли известные деятели русской--культуры XIX- начала XX вв.

Помещиком-к-репостником являлся отставной майор А. В. Племянников. Изучение материалов о нем дает возможность не только согласиться с Шевченко в его художественской оценке жестокого, деспотичного характера портретируемого, но и установить более точную дату выполнения портрета: ноябрь-декабрь 1849г., ~ 0

Шевченко-портретисту чуждо "дагерротипное подражание природе", главное для него - проникновение во внутренний мир человека, раскрытие его- сути.

Анализ портретных работ в сочетании с изучением портретированных, чьи фамилии известны, позволяет установить творческую историю произведения, определить*характер знакомства художника с запечатленным им лицом (и прямо или косвенно - с семьей, группой людей и т. д.). наконец - войти в мир эстетических взглядов, Критериев, требований реалиста Шевченко.

полное великое приращение приобщения окружения и связей для бутирования работ, обозначаемых в публикациях условно: "Портрет неизвестной", "Неизвестный с гитарой" и т. п. Диссертант доказывает, что в "Портрете неизвестной" запечатлена дочь священника военной церкви в Оренбурге Анастасия Конопасевич (а не Уснова и не Розанова, как писали предыдущие исследователи), "Не-известный с гитарой" это не Томаш Вернер и не Лукиан Алексеев, а Козьма Рыбин - унтер-офицер Корпуса топографов, член экипажа шхуны "Константин" в 1849 г. Названные портретированные лица в литературе о Шевченко ранее не фигурировали. На основе анализа окружения Шевченко десяти лет его работы можно говорить и о серьезных пропусках в шевченковской "портретной галерее" 1847-1857 гг.

-Изучение мемуарных, архивных, краеведческих и других материалов открывает возможности условной реконструкции этой галереи в более полном масштабе. В список портретированных следует дополнительно внести десятки имен: объем работы Шевченко-портретиста был в несколько раз шире, чем

учтенный до настоящего времени. Наиболее плодотворными в этом плане являлись периоды участия Шевченко в Аральской экспедиции, пребывания его в Оренбурге в 1849-1850 гг. и службы в Новопетровском укреплении.

Утрата выполненных портретов не во всех случаях должна считаться окончательной. Предложенный в диссертации перечень лиц, которых мог рисовать Шевченко, в сочетании с необходимыми сведениями о каждом, открывает, по мнению диссертанта, возможности более перспективных поисков.

Исследователи жизни и творчества Т. Г. Шевченко обошли вниманием вопрос о том, что именно в ссылке состоялось первое его близкое знакомство с жизнью рабочих. Рисунки, сделанные во время Аральской и Каратауской экспедиций, а также в Новопетровском укреплении, являются единственным прямым, исходящим от самого Шевченко, источником наших представлений о его связях с горнозаводскими рабочими Урала, с рыбаками Арала и Каспия. По мнению диссертанта, горняки присутствуют и в жанровых работах художника (Трубеев - в "Цыгане", Козлов - в "Шевченко среди товарищей").

Систематический характер занятий Шевченко графикой и живописью в 1847-1857 гг. дает основания говорить о наличии обширного "живописного дневника", научный разбор которого имеет огромное творческое и биографическое значение. " В диссертации осуществлен опыт логического прочтения ряда страниц этого "дневника". Например, как установлено здесь, карандашный набросок композиции "Танец на палубе шхуны" относится к 22 сентября 1848 года; в нем запечатлен танец матроса.